

Владимир
Колганов

Лицедейи

Владимир Алексеевич Колганов

Лицедей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69285958

SelfPub; 2023

Аннотация

После «Театрального романа» Михаила Булгакова никто так и не решился столь же доходчиво, со знанием дела написать о жизни театра. Да и надо ли? Однако настали совсем другие времена и пришла пора снова обратиться к этой теме, причём не обязательно заимствовать сюжет у знаменитого писателя – можно сделать всё иначе, а уж читателю судить, сумел ли автор справиться с такой задачей. В этой психологической драме с элементами детектива и сатиры столкнулись два отношения к искусству – созидательное и потребительское. Тут и защитники морали, и те, кто считает, будто для получения прибыли все средства хороши, но поначалу очень трудно понять, кто прав, кто виноват. Только финал романа подведёт промежуточный итог. Фамилии и имена персонажей, а также большая часть описанных событий вымышлены, все совпадения случайны.

Содержание

Глава 1. Попутчики	5
Глава 2. Секрет успеха	11
Глава 3. Вверх по ступенькам	18
Глава 4. Ход конём	24
Глава 5. Театр всех времён	30
Глава 6. После оттепели	37
Глава 7. Что под маской?	44
Глава 8. Перфоманс с переодеванием	50
Глава 9. Надежда умирает последней	56
Глава 10. Ведьма в смирительной рубашке	62
Глава 11. Страсти по Алине	68
Глава 12. Похищение Европы	75
Глава 13. Караул!!!	81
Глава 14. Закон природы	87
Глава 15. Конформист	94
Глава 16. Вместо эпилога	101

Владимир Колганов

Лицедей

«Весь мир – театр, а мы – актёры»

Из пьесы «As You Like It» Уильяма Шекспира, вольный
перевод

Глава 1. Попутчики

На вокзальных часах было около семи утра, когда скорый поезд Самара – Москва подошёл к перрону Казанского вокзала. Дневное светило ещё не вполне вступило в свои права, и пассажиры спешили воспользоваться утренней прохладой, чтобы добраться до конечного пункта назначения. Кто-то приехал по делам, кому-то приспичило навестить московскую родню, а были и такие, кому ещё предстояло ехать на другой вокзал и уже оттуда продолжить свой вояж по необъятным просторам Подмоскovie и его окрестностей. И только один из пассажиров стоял на перроне, словно бы раздумывая – то ли идти вместе со всеми к зданию вокзала, то ли на том же поезде возвращаться назад. Впрочем, состав должен был отправиться в обратный путь только ближе к вечеру, так что оставалось достаточно времени для принятия решения.

Сторонний наблюдатель мог бы сказать, что пассажир этот на первый взгляд ничего особенного из себя не представляет – рост ниже среднего, лицо невыразительное, такое увидишь и уже через мгновение оно напрочь выветрится из памяти, но вот глаза... Глаза как глаза, серые, не большие и не маленькие, однако была в них некая странность – они существовали как бы сами по себе, в отрыве от головы и остального тела, помимо воли их обладателя выражая чувства, которые не имели никакого отношения к тому, что

происходило вокруг. Растерянность, сомнение в том, что поступает вопреки рассудку – это никого не могло бы удивить, поскольку у каждого из нас бывают минуты душевной слабости, но тут всё было несколько иначе. Если присмотреться, в глубине этих глаз читалась непреходящая тоска, словно бы человек испытывает чувство вины перед самим собой и никак не может с этим справиться. В чём причина, сразу и не разберёшься, тут не обойтись без скрупулёзного изучения обстоятельств его жизни, что могло бы приоткрыть завесу тайны, однако дело это хлопотное и вряд ли стоит без достаточных на то оснований тратить время в надежде что-то разузнать. Поэтому разумнее всего ограничиться выводом, будто личность это вполне заурядная, и не стоило бы уделять ей столь пристальное внимание, если бы не обратился к этому пассажиру некто с наголо обритым черепом и повадками уличной шпаны или «братков», которых в девяностые развелось видимо-невидимо.

– Ну что, тебя подвезти? На такси-то пока не заработал?

Ещё когда изнывал от духоты на второй полке плацкартного вагона, наш герой разговорился с одним из попутчиков. Тот подсел в Старом Хопре, вышли в тамбур покурить, там и познакомились. Митяй оказался весьма болтлив:

– У нас в Хопре, чтобы какое-то дело замутить, надо у местных авторитетов разрешение спрашивать, а потом ещё отстёгивать бабло в общак... Ну а в Москве широта, простор и полно лохов с туго набитыми кошельками. Бери – не хочу!

Сева, так звали нашего героя, не возражал – хотя бы потому, что не собирался залезать в чужой карман, а рассчитывал на то, что сами дадут, и даже не придётся умолять, чтобы подкинули кое-что на пропитание. Всё будет совсем иначе, придут и скажут: «Бери, пока дают, и не сворачивай со своего пути!» Что это за путь? Об этом Сева предпочёл помалкивать – для откровений ещё время не пришло, сколько бы не пытался Митяй его разговорить:

– А тебя чего понесло в столицу?

– Да вот хочу поступить в театральное училище.

– И на фига? Бабла на этом не заработаешь...

Тут в разговор встрял ещё один пассажир, тоже из курящих, лет сорока, с намечающейся лысиной, то ли полученной по наследству от родителей, то ли возникшей по причине чрезмерного напряжения ума:

– Так оно и есть! Актёрам платят крохи, и только немногие добиваются признания. Вот тогда, конечно, и гонорары по высшей ставке, и ордена, и премии...

– У меня так и будет!

Сева произнёс эти слова твёрдым голосом, а в глазах опять какие-то смешанные чувства, словно бы уверен, что желанной цели наверняка достигнет, но вот избавиться от ощущения неведомо откуда взявшейся вины никак не удаётся. Впрочем, ему-то всё доподлинно известно, что, как и почему, а вот с какой стати это ощущение появляется в самый неподходящий момент, судя по всему, это оказалось нераз-

решимой для него загадкой.

А между тем, Митяй и третий пассажир, который представился просто – Водопоев, продолжили разговор о том, где можно больше заработать. Митяй настаивал на своём:

– Сейчас всем правит криминал, а не какие-то там депутаты и министры. Самое время, чтобы наварить бабла.

– Рисковый вы человек, Дмитрий! Рано или поздно можете оказаться на скамье подсудимых.

– Это как карта ляжет.

– Тут я категорически с вами не согласен! Рассчитывают на везение только дурни, – тут он запнулся и с опаской посмотрел на внушительных размеров кулаки Митяя. – Надеюсь, без обид?.. Так вот, умный человек заранее просчитывает варианты и выбирает оптимальный путь к обогащению. К примеру, я оказываю кое-кому мелкие услуги, завожу полезные знакомства и жду, когда можно будет провернуть прибыльную комбинацию.

– Это как?

– Вы слишком любопытны, – усмехнулся Водопоев. – Ну да ладно, подскажу. Допустим, у меня есть знакомства на таможне, а некий коммерсант намерен импортировать крупную партию компьютеров не уплачивая пошлины. Я предлагаю ему свою помощь, а взамен он отстёгивает мне кое-что от того, что сэкономил. Это может быть весьма приличная сумма.

– И много таких комбинаций провернули?

– Ни одной, – смущённо признался Водопоев и пояснил: – Сейчас я нахожусь на том этапе, когда закладывается фундамент моего благополучия. Дело это хлопотное, но думаю, что через год-другой...

– Этот вариант не для меня! – убеждённо, даже с неким вызовом заявил Митяй и смачно сплюнул.

– Хотите всё и сразу?

– А почему бы нет?

– Терпение, мой друг! Терпение! Много светлых голов так и не добились желаемого результата, потому что слишком торопились, – тут Водопоев упёрся взглядом в какую-то деталь на лице Митяя: – Судя по кривому носу, вы занимались боксом?

– Не такой уж он кривой, – обиделся Митяй, не отрицая своего увлечения этим видом спорта.

– Тогда должны бы знать, что решающий удар надо тщательно готовить. А если будете бестолково молотить кулаками, получите под дых и всё, финита ля комедия!

Аргумент весьма серьёзный, поэтому Митяй не нашёл, чем возразить – видимо, в его спортивной карьере были и такие случаи. Ну а Сева молчал, поскольку так и не решил, кто же в этом споре прав – с одной стороны, и ему хотелось бы получить всё и сразу, а с другой, не в том он положении, чтобы идти на риск, принимая необдуманные, скоропалительные решения. Да и вариантов кот наплакал – симпатичный юноша, будущий герой-любовник мог бы произвести впечат-

ление на приёмную комиссию, а при Севиной унылой внешности на что рассчитывать? Есть кое-какой опыт работы в областном театре – это вам не занятия в школьном драмкружке, но ведь аплодисменты местной публики к анкете не приложишь. Разве что понадеяться на сочувствие к заезжему провинциалу – сердобольные тётушки с седыми буклями обычно составляют большинство в таких комиссиях. Вот и надо подготовить монолог, который бы их пронзил от пяток до макушки, чтобы слёзы полились из глаз, а руки сами хлопали в ладоши вопреки соображениям ума.

Так бы и закончился этот разговор, если бы Водопоев не предложил закрепить знакомство в привокзальном ресторане. Однако Митяю не терпелось заняться привычным делом – столичный вокзал словно бы специально предназначен для такого рода промысла, ну а Сева спешил сдать документы в приёмную комиссию... Что тут поделаешь? Водопоев вручил каждому по визитной карточке, дополнив это действие словами:

– Если возникнут проблемы, обращайтесь, помогу.

Ну а как не помочь, если по их лицам видно, что далеко пойдут. Митяй вполне может преуспеть в бизнесе – такому в рот палец не клади. Ну а со вторым сложнее – тут многое зависит от того, какие мысли бродят в его голове, каким богам намерен поклоняться.

Глава 2. Секрет успеха

Эта мысль, будто родители назвали его Всеволодом в честь Мейерхольда, основателя театра имени самого себя, словно заноза застряла в сознании Севы, побуждая к размышлениям, которые никак не соответствовали особенностям его жизни в провинциальном городке. Пусть родители даже не подозревали о существовании такой фамилии, однако это обстоятельство ничего не может изменить, поскольку не должно быть более достойной цели для человека, чем воочию увидеть памятник, поставленный в его честь. Не важно, что это – бронзовый бюст или гранитная стела и надпись на золотой табличке с указанием фамилии и званий. Тут важен факт, а не способ превращения мечты в реальность.

Понятно, что перспектива стать кем-то вроде генерального конструктора ракетной техники его несколько не прельщала, поскольку Сева понимал, что в этом трудном деле усердие и прилежание не смогут компенсировать отсутствие таланта. Аналогичная ситуация в музыке, в литературе, в живописи, а вот в театре всё иначе – тут надо лишь скрупулёзно освоить все элементы актёрского мастерства и больше ничего не требуется. Ведь выступать на сцене, исполняя заданную роль, – это же совсем не то, что корпеть целый год над симфонией, книгой или живописным полотном! Театров и киностудий много, ролей ещё больше, а зрителей вообще

навалом, и, если им понравится, можно печь ордена и премии, как пирожки, на зависть менее удачливым коллегам.

И вот теперь, стоя перед членами приёмной комиссии, он вообразил, что стоит на сцене МХАТ, а публика только и ждёт того момента, когда он закончит свой монолог, чтобы приветствовать своего любимца. Надо отдать Севе должное – мимика и дикция у него на высшем уровне, хоть сейчас выпускай на сцену! Члены приёмной комиссии в полном восторге, и только один засомневался:

– Коллеги! Вы посмотрите на его глаза! Пустые, они абсолютно ничего не выражают, словно бы существуют сами по себе, живут в другом каком-то мире.

Но у коллег совсем другое мнение:

– Ничего, за четыре года учёбы всё исправим. И потом, что там у актёра в глазах, даже из партера разглядеть нельзя, не говоря уж о галёрке.

– Ну не верю я ему, не верю!

– Ты, похоже, Станиславским себя вообразил. Не рано ли примеряешь лавровый венок?

– Да ладно, делайте, что хотите. Но помяните моё слово, всё это плохо кончится.

Так Сева стал студентом школы-студии МХАТ, а через четыре года оказался перед выбором – мастеровитый актёр везде востребован, особенно если успел сыграть несколько ролей в кино. Но что делать, то есть в какой театр идти? Сева чуть мозги себе не сломал, пытаясь решить эту трудную за-

дачу – один неверный шаг и тогда можно поставить крест на грандиозных планах. Ночей не спал, осунулся, и тут вдруг Сева осенило: «Водопоев, вот кто может, просто обязан мне помочь! Но как его найти? Визитная карточка!» Будь Сева в житейском плане вполне обустроен, а в это понятие входит и отдельная квартира, и мебель, и обширный гардероб, ему можно было бы только посочувствовать – легче найти иголку в стоге сена, чем клочок бумаги на шестидесяти квадратных метрах жилплощади, где при отсутствии хозяйки или прислуги царит апокалиптический бардак. Однако на тот момент в его активе была всего лишь комната в общежитии, а в придачу пиджак, пара брюк, да ещё костюм, который купил на гонорар за роль в последнем фильме. В кармане старого протёртого на локтях пиджака Сева и нашёл то, что искал.

Водопоев не подвёл – согласился на встречу сразу, без раздумий. И вот сидят за столиком в «Арагви», Водопоев уплетает цыплёнка-табака, словно бы дорвался до еды после недельной голодовки, а Сева прикидывает, во сколько всё это ему обойдётся. Однако в столь серьёзном деле, когда буквально решается его судьба, тут уж не до экономии – Сева готов последнее с себя снять, лишь бы получить совет опытного человека. Конечно, ещё не факт, что Водопоев разбирается в таких делах, но больше не с кем посоветоваться, поэтому Сева и выложил все свои сомнения, накопившиеся за последние дни, не взирая на то, что его визави не отвлекался от еды, с увлечением обглаживал цыплячьи косточки.

Наконец, Водопоев покончил с курятиной, вытер рот салфеткой и заявил:

– Вообще-то я театр на дух не выношу! – тут он махнул рукой, как бы предупреждая реакцию, которую это неожиданное признание могло вызвать у Севы, а затем продолжил: – Однако мне приходится переступать через свои жизненными принципами, посещая Большой театр, «Современник» и «Таганку». И вот прикинь, почему же я всё это делаю? Почему так бездарно трачу свои вечера вместе с тем, чтобы подремать у телевизора? – Воропаев замолчал, ожидая ответа, но поскольку Сева не нашёлся, что сказать, последовало разъяснение: – Да потому, мой дорогой друг, что в театральном буфете можно познакомиться с весьма полезными людьми, я имею в виду видных бизнесменов, сотрудников различных министерств и ведомств, не исключая высших чинов полиции и прокуратуры. Как же они там оказались? Неужто все поголовно влюблены в театр? – Воропаев снова вонзился взглядом в Севин рот, но поскольку оттуда опять не донеслось ни звука, завершил свой монолог самостоятельно, без подсказки: – Вовсе нет! Причина в том, что посещение театра – это модно. Вот жёны этих деятелей и тянут за собой мужей, чтобы потом обсудить с подругами, где была, кого там видела, кто во что был одет, ну и далее по списку.

Впору было пожалеть о том, что выбрал такую никчёмную профессию. Ну можно ли добиться славы, развлекая публи-

ку, которой наплевать на Шекспира и на Кафку? Им лишь бы погундосить с подругами или принять стопаря на грудь в буфете. Но Севу все эти издержки массовой культуры ничуть не волновали, у него есть цель, и он готов её добиваться вопреки всему. Потому и спросил:

– И что же теперь делать?

Водопоев был предельно краток и довольно убедителен:

– Вот что я тебе скажу. Чтобы преуспеть в этом нашем мире, то есть чтобы получить желаемое, ты должен быть в струе, в тренде, как теперь говорят. А какое у нас самое модное заведение кроме ресторана «Пушкин»? Это «Бонбоньерка». Так что нечего раздумывать – иди туда!

За годы учёбы Сева побывал почти во всех московских театрах, благо студентов театральных вузов на спектакли пускали бесплатно – если были свободные места. Бывал и в «Бон-Боне» – такое название театр получил по имени своего отца-основателя и бессменного худрука Бориса Ивановича Бондаревского, в прошлом популярного актёра. Надоело ему быть послушной марионеткой в руках бездарных режиссёров, вот и решил основать собственный театр. Почему «Бон-Бон», а не «Бор-Бон» или хотя бы «Бурбон»? За это он должен поблагодарить своих учеников, которые и составили ядро театральной труппы – в знак уважения они называли мэтра Бонифацием, вроде бы такое имя было у какого-то из римских пап. На самом деле, всего пап Бонифациев было пятеро, если не считать антипапу с тем же именем, но он тут

совершенно ни при чём.

«Ну что ж, пусть будет "Бонбоньерка"!» И хотя к концу этой объедаловки Сева изрядно поиздержался, он был вполне доволен результатом – успокаивало и то, что Водопоев изъявил готовность и впредь поддерживать Севу во всех начинаниях, если только не возникнет необходимость значительных финансовых вливаний. Судя по всему, за прошедшие четыре года Водопоев так и не сумел разбогатеть.

За время работы в «Бонбоньерке» Сева сыграл с десяток ролей, а ещё больше в кино, что совсем неудивительно – иной актёр норовит предложить своё прочтение роли, требует доработать диалоги, а Сева никогда не перечил режиссёру. Сказано «иди туда» – он пойдёт, пока не остановят. Текст роли знал наизубок – ни малейшей отсебятины. И самое главное, брался за любую роль даже несмотря на то, что по своим внешним данным никак не соответствовал персонажу, если иметь в виду то, как видел его автор. В театре такое допустимо – там всё достаточно условно, да и выбор актёров не велик, а вот в кино совсем другое дело, там без внешнего сходства никак не обойтись, особенно если это историческая личность. Однако время съёмок ограничено, а тут под рукой актёр, готовый сыграть и Мальчиша-плохиша, и Черчилля, и Сталина, даже Белоснежку и всех семерых гномов, если бы возникла острая необходимость. Причём играл практически с листа, без репетиций – этим он напоминал актёров Голливуда, в арсенале которых есть несколько жестов и гримас, вот

они и тасуют их, переходя из фильма в фильм. Понятно, что это не относится к звёздам первой величины вроде Роберта Де Ниро или Бреда Пита, но Сeve Америка и Голливуд без надобности, ему вполне достаточно России.

Глава 3. Вверх по ступенькам

Вот все считают, что телега не может взлететь, даже если к ней приделать крылья, но Сева опроверг законы физики. Через десять лет после окончания школы-студии он был включён в состав Совета по культуре и стал вхож в святая святых московского Кремля, туда, где решается судьба страны. Такому карьерному взлёту можно только позавидовать... Но как?! Как такое удалось? Конечно, известны случаи, когда генералами становились в том же возрасте, однако ежу ясно, что без протекции не обошлось – кого-то тесть протолкнул на высокую должность, кого-то продвигали наверх, рассчитывая на то, что протеже станет орудием в закулисной борьбе между властью и имущими. Однако у Севы тестя не было, да и какой из актёра борец, если не имеет права возразить даже режиссёру? А уж спорить с президентом на заседании Совета – это уже из области фантастики.

Впрочем, бывают исключения, хотя Совет тут как бы ни при чём. Когда Бонифаций попал в беду, оказавшись участником финансовой аферы, Сева решил ему помочь «по старой дружбе» – к тому времени у Севы уже был свой театр, но в память о светлых днях, когда работал в «Бонбоньерке», он просто обязан был что-то предпринять. На заседании Совета Сева не решился заговорить с президентом на эту тему – кто знает, как отнесутся к его просьбе остальные участники

застолья? Ведь кто-то мог завидовать популярности «Бонбоньерки», а у кого-то мог некстати возникнуть вопрос: на какие доходы Бонифаций построил себе огромный загородный дом? Такие хоромы и жителям Рублёвки не по карману.

Так просто к президенту не подойдёшь, поэтому Сева заручился поддержкой его пресс-секретаря, который не раз вместе с женой бывал у них в театре. И вот, когда заседание закончилось и все потянулись к выходу из зала, президент сказал:

– А вас, Всеволод Степанович, я попрошу немного задержаться.

Тут-то Сева и получил возможность высказать всё, что наболело:

– Владим Владимыч! Что же это делается? Заслуженного человека, любимца публики хотят отдать под суд.

– Я так понимаю, вы Бондаревского имеете в виду.

– Ну да!

– Скверное дело! Глава Следственного комитета доложил, что он замазан по уши.

– Так ведь ни одной бумажки не подписывал. Злодеи провернули эту комбинацию за его спиной.

– В том-то и дело! Если бы не эта спина, у них бы ничего не получилось.

Сева уже отчаялся переубедить, а тут ещё пресс-секретарь показывает на часы, мол, пора заканчивать. Пришлось использовать последний, самый убойный аргумент:

– Владим Владимыч! Допустим, что бюджет государства мог в результате действий мошенников потерять тридцать, пусть даже сто миллионов рублей. Допустим! Однако потеря выдающейся личности, разрушение его театра нанесёт российской культуре невосполнимый ущерб, который во много крат больше упомянутой мною суммы.

Видимо, эта «калькуляция» сработала – президент тяжело вздохнул и нехотя, явно через силу произнёс слова, которых Сева ждал:

– Ладно! Я подумаю, что можно сделать.

Это случилось через несколько лет после того, как Сева вошёл в состав Совета по культуре. Событие неординарное, но по-прежнему неясно, как Севе это удалось. Наверняка и тут не обошлось без Водопоева. Как утверждают злые языки, их встреча состоялась снова в ресторане.

– Сева! Тут вот какое дело. Один хороший человек хочет оказать тебе услугу.

– Это как?

– Да очень просто. Он намерен предложить твою кандидатуру для включения в состав Совета по культуре.

Другой бы на месте Севы готов был руки целовать такому благодетелю – сидеть за одним столом с президентом, вершить великие дела на благо своего Отечества – это ли не мечта любого актёра, музыканта и художника? Но Сева ещё в детстве хорошо усвоил, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Вот потому и спросил:

– А что взамен?

– Да пустяки! Он тоже член Совета, но ему нужна поддержка, чтобы продвигать нужные решения. А ты в последнее время стал довольно популярен, на ведущих ролях и в театре, и в кино, так что президент прислушается к твоему мнению.

Быть марионеткой в чужих руках – это малопочтенное занятие. За десять лет работы в театре Сева сполна этого добра накушался, но тут представлялся шанс со временем вырваться на волю. Если удастся стать незаменимым членом этого Совета, тогда ему сам чёрт не страшен – тогда он сможет диктовать свою волю и режиссёру, и директору театра, и продюсеру. Однако многое зависит от личности этого благодетеля. Водопоев объяснил:

– Это Ефим Захарович Вертляев. Знаешь такого?

Ну кто в России не знает главного распорядителя культуры? Под ним театры, киностудии, музеи и прочее, и прочее. От волнения у Севы дыхание перехватило, он понял, что приближается его звёздный час – ещё один рывок и можно будет сказать, что жизнь не напрасно прожита. Ну а пока нужно соглашаться, даже если на первых порах придётся исполнять незавидную роль «шестёрки» при «пахане», выражаясь языком закоренелых уголовников.

Вертляев ли поспособствовал либо новый статус помог, но с тех пор Сева стал получать такие роли в телесериалах, о которых прежде не мечтал. Это и один из классиков марк-

сизма-ленинизма, и писатель, которого поныне чтут в Европе и за океаном, хотя на Севин вкус очень уж мудрёно писал – чтобы осилить самый известный из его романов, потребовался целый месяц усердного труда на грани истощения умственных способностей. Однако дело того стоило – вскоре предложили главную роль в экранизации этого многостраничного романа, и Сева не подвёл, однако закончив съёмки на неделю слёг, сославшись на фурункулёзную ангину.

На самом деле, всё было гораздо хуже – каждую ночь его будил один и тот же голос, но стоило открыть глаза, как перед Севой возникал седой старик и, укоризненно покачивая головой, твердил одно и то же:

– Ну и зачем ты взялся за эту роль? Ведь ясно же, что не по Сеньке шапка! Тебе бы что-нибудь попроще, к примеру, мог бы приказчика сыграть или юродивого с паперти. С какой стати ты вообразил, что всё тебе подвластно? Эх, знал бы я, что роман так извратят, сжёг бы его к чертям собачьим!

Сева хотел было что-то объяснить, однако язык словно бы прилип к нёбу, ну а когда обрёл способность что-то говорить, знаменитого писателя уже и след простыл. Обидно – не то слово! И так каждую ночь на протяжении недели. А ведь после подобной «оплеухи» сразу не уснёшь!

Именно тогда Сева понял, что пора всё переменить. Он сам должен получить право говорить обидные слова, высмеивать тех, кто не может возразить, а если потребуется, то и вклепать кому-то по уху. Короче, нужен свой театр, иначе от

ночных визитёров не избавиться.

Глава 4. Ход конём

Проблема в том, что президента об этом не попросишь – пошлёт куда подальше и будет абсолютно прав. Можно обратиться к министру культуры, но Вертляев уже не при делах, а идти на поклон к его преемнику Сева не хотел, поскольку тот наверняка потребует ответной услуги. Снова оказаться на побегушках у министра – это уже явный перебор, надо и своё достоинство блюсти. Вот если бы эту должность проплатить... Однако Сева по натуре был немного трусоват и потому предпочитал не нарушать Уголовный кодекс. И что же – получается тупик?

Пришлось обратиться к Водопоеву, мол, так и так, хочу заполучить театр в безраздельное владение на пожизненный срок. Прозвучало несколько коряво, поэтому Сева счёл необходимым сослаться на достижения своих коллег:

– Ну чем я хуже Калягина или Джигарханяна?

Водопоев сразу уловил суть:

– Так-так. Желаете стать помещиком за государственный счёт. Это мне понятно! И каких размеров деревенька тебе надобна? А крепостных, к примеру, сколько душ? Я так понимаю, желательно, вполне живых.

Чем-то всё это напоминало сцену из поэмы Гоголя – вот сейчас Водопоев запросит по сто рублей за штуку, а потом упрётся рогом, не соглашаясь скинуть хоть двугривенный:

«Да чего вы скупитесь-то? Другой мошенник обманет вас, продаст какую-нибудь дрянь, а у меня все как на подбор мастеровитые, только что из вуза». Деньги у Севы теперь водятся, но актёров покупать поштучно – это как-то не вяжется с его представлением о высоком предназначении театрального искусства... Тут он словно бы проснулся, стряхнул это некстати возникшее видение и попытался перевести разговор в деловое русло, но без всяких там отсылок к классике:

– Вам бы всё шуточки, Эдуард Артемьевич, а у меня душа болит. Начальники до жути надоели! Мне свобода нужна.

Водопоев, развалившись в кресле, поглядывал по сторонам – видимо, оценивал Севины возможности:

– Давно эту квартирку прикупил?

– Год назад.

– Лямов сто выложил?

– Что-то в этом роде.

– Да, неплохо актёры зарабатывают, а я вот с хлеба на квас перебиваюсь.

– Это мы поправим! Вы только подскажите мне, что делать.

Предвидя долгий разговор, где-то на грани мозговой атаки, Сева достал из бара бутылку коньяка. Но Водопоев отказался даже пригубить:

– Ни-ни! На работе я не пью. А потому, что в серьёзном деле нужна трезвая голова, иначе такого можно наворотить, что потом не разгрёбёшь, – и после короткой паузы спро-

сил: – Так ты на какой театр нацелился?

Этого вопроса Сева не ожидал. Конечно, на Большой или на Малый он не посмел бы замахнуться, поскольку не дорос...

– Мне бы не то, что завалыщенький, но какой-нибудь из тех, что не слишком популярны у московской публики. Чтобы и зал вместительный, и располагался не где-то в Раменках или в Митино, а поближе к Тверской.

– Да уж, губа у тебя не дура!

Водопоев снова задумался, а Сева не удержался, налил себе рюмку коньяка – надо же снять как-то напряжение.

– Театр юного зрителя подойдёт?

Сева чуть не поперхнулся:

– Вы уж совсем за придурка меня держите! Эдуард Артемьевич, при всём уважении, но так нельзя. Где юный зритель, а где Шекспир с Булгаковым?

– Напрасно возмущаешься. Было бы место, а что на фронто-не написать, это от тебя зависит. Ты, кстати, название придумал?

Сева не хотел ставить телегу впереди лошади – сначала театр надо подыскать, а уж потом переименовывать. Но Водопоев упёрся в Севу взглядом, тут хочешь не хочешь, но придётся приоткрыть завесу тайны:

– Театр всех времён.

Такой реакции Сева не ожидал, уже и не надеялся. Водопоев вскочил с кресла и рявкнул так, что в люстре что-то за-

звенело:

– Ну и чего же ты молчал, балбесина? Сразу бы и сказал! – и чуть поумерив пыл, продолжил: – Есть такой театр. То есть название другое, но близко к этому, так что не придётся в корне всё менять.

Затем начался более предметный разговор – нужно было составить план конкретных действий.

– Видишь ли, Сева, будь это частный театр, цель достигается предельно просто. Представь, приходят в дирекцию «братки» и выкладывают на стол документы, а в них значится, что театр по уши в долгах, по решению районного суда назначен внешний управляющий, наш человек, а дальше всё по стандартной, отработанной методе, – Водопоев радостно осклабился, видимо, вспомнил кое-что из прежних своих «подвигов», но тут же развёл руками, как бы признавая, что в данном случае придётся обойтись без помощи уголовных элементов: – Увы, театр, который числится на балансе государства, нахрапом не возьмёшь, надо изыскивать другие методы. Я бы сказал, что нужен ход конём.

– Это как? – не понял Сева.

– Роль коня должна исполнить некая влиятельная персона, которая уволит нынешнего директора, а тебя посадит на его место. Такой персоной может быть кто-то из Кремля, из Минкульта или из московской мэрии, – для наглядности Водопоев показал Севе три пальца, а затем приступил к анализу кандидатур: – Итак, начнём с Кремля...

– Нет-нет! – перебил его Сева. – Только не это! Одно дело просить за Бонифация, и совсем другое – требовать, чтобы директора сняли с должности.

– Сева! Чистоплюйство тут совсем не к месту, – огорчился Водопоев. – Ну да ладно. Тогда придётся идти к министру на поклон.

– Не хочу!

Сказано был так определённо, причём тоном, не допускающим ни малейших возражений, что Водопоев поначалу опешил. А потом принялся отчитывать Севу:

– Ты зачем меня позвал? Чтобы покуражиться? Или хочешь показать, какой ты высоконравственный, а на мне пробу ставить негде? Думаешь, на синем блюдечке с голубой каёмочкой тебе всё поднесут? Нет, милый, придётся потрудиться. Надо будет, на колени встанешь перед теми, в чьих руках власть, иначе так и останешься чем-то вроде Арлекина в руках Карабаса-Барабаса.

Это сравнение с Арлекином было настолько точным, что на глазах Севы появились слёзы. Ну вот добился популярности, вполне прилично зарабатывает, однако ощущение паскудное! словно бы он крепостной мужик, хотя и с министерской зарплатой. Конечно, такого не бывает, но тем обиднее, что именно он оказался в схожей ситуации.

– Ладно! Я на всё согласен. Только давай с мэрии начнём, а дальше уж как получится.

Водопоев почмокал губами и после паузы предложил план

дальнейших действий:

– Ну что ж, тогда не обойтись без Кости Шманцева. Были у меня с ним кое-какие дела по расселению домов в окрестностях Патриарших и Малой Бронной. Составляли липовый акт, якобы стены через полгода могут рухнуть, и все жители как миленькие отправлялись по решению суда в Южное Бутово. Всё просто и весьма эффективно, поскольку ни один судья не поднимет руку на святое, то есть на московскую мэрию, – на лице Воропаева возникло победная улыбка, но не дождавшись похвалы он продолжил монолог: – Вот и теперь можно сделать примерно так же. Шманцев на основе такого же акта экспертизы признает здание театра аварийным и выселит всю дирекцию вместе с актёрами и декорациями к такой-то матери за МКАД. Ну а потом повторная экспертиза установит, что требуется только капитальный ремонт. Но поезд-то уже ушёл! – Водопоев снова улыбнулся, но тут же уточнил: – Только ведь без решения Минкульта всей этой затее грош цена, потому как Шманцев для министра не указ.

Сева понял, что всё возвратилось на круги своя – Водопоев с этим Шманцевым как-нибудь договорится, однако именно Севе придётся идти на поклон к Колотыгину, которому с недавних пор была дана на откуп вся российская культура.

Глава 5. Театр всех времён

Встреча с Колотыгиным состоялась уже после того, как Шманцев завершил операцию по отселению театра со всем его содержимым на окраину Москвы, при этом, правда, слегка опустошил Севин счёт в банке, но дело того стоило. К счастью, Водопоеву удалось значительно сбить цену, пообещав вице-мэру содействие в назначении его на должность губернатора Самарской области. Якобы там у Эдуарда Артемьевича обширные связи в криминальных кругах и среди депутатов заксобрания, а без такой поддержки даже кандидат, предложенный президентом, не будет утверждён. Да и потом, как можно руководить губернией, если местная элита будет в оппозиции? Правда, у Севы закралось подозрение, что Водопоев шманцевский гонорар положил себе в карман, однако этому не стоит удивляться в нынешних реалиях. Так или иначе вице-мэра удалось уговорить, но можно ли найти подход к министру, если, по слухам, он о том только и мечтает, как бы избавиться от непосильной ноши и вернуться к прежним, не слишком обременительным занятиям?..

Севу согласились принять без разговоров – не хватало ещё, чтобы член Совета по культуре часами томился в очереди многочисленных просителей. И вот пришёл, изложил свою просьбу, мол, так и так, хочу в осиротевшем здании, само собой, после капитального ремонта, возродить театр,

который прославил бы и его основателя, и министра, отдавшего такой приказ. Колотыгин внимательно выслушал Севу, а потом и говорит:

– Голубчик! Я же ни в реставрации, ни в драматургии ничего не смыслю. Всё, что надо, подпишу, а дальше вы уж сами.

На том и разошлись, оба вполне довольные тем, что обошлось без долгих и ожесточённых споров, проверки сметы на ремонт и прочих малоприятных процедур. Сева был вне себя от счастья, поскольку получил в своё распоряжение театр и подписал вдвое завышенную смету на ремонт. А Колотыгин был рад тому, что избавился ещё от одного назойливого посетителя – им всем чего-то надо, а тут кру́гом голова идёт, поскольку не знаешь, как спасти от гибели российскую культуру.

К тому времени, когда закончилась реконструкция здания театра, Сева составил репертуар на ближайшие два года, договорился с режиссёрами, которые смогли бы воплотить в жизнь его задумки, и присмотрел актёров, достойных того, чтобы выступить на сцене «Театра всех времён». Должно было получиться что-то вроде антрепризы, однако дебютную постановку Сева не счёл возможным доверить приглашённым варягам. Ну какой же он основатель и худрук, если не украсит премьерный спектакль своим присутствием на сцене? Только ведь, если ставить классическую пьесу, можно затеряться в толпе не менее популярных у публики коллег

из «Современника» или «Бонбоньерки». Что делать? Нельзя же наступать на горло своей песне! После долгих и мучительных раздумий решение было найдено – спектакль для одного актёра вполне соответствовал той цели, ради достижения которой Сева страдал от духоты в вагоне поезда двадцать лет назад, раздумывая о том, как покорить Москву.

И вот уже премьера осталась позади, а на афишах давно полюбившиеся всем названия спектаклей и прославленные имена – последнее крайне важно, поскольку только так можно привлечь в театр публику, вырвав её из объятий конкурентов, которых в столице видимо-невидимо, чуть ли не в каждой подворотне указующая надпись: «направо за углом главный вход в театр». Тут вот что странно: стены крохотного зала обшиты досками, зрители сидят на лавках, а публика идёт туда и восхищается постановками Лёши Кривицкого и других новаторов, хотя и вращающейся сцены там нет, и о буфете можно лишь мечтать. Поэтому и приходится значительную долю госбюджета тратить на приглашение зарубежных режиссёров в надежде хотя бы таким образом добиться статуса «модного театра», а уж раскошелиться ради того, чтобы сказать: «я там была» – на это многие готовы.

Примерно так же дело обстоит с актёрами. Поскольку своей труппы нет, надо привлекать актёров из других театров, и тут на первый план снова выходит гонорар. Конечно, можно было бы набрать выпускников школы-студии МХАТ или Щукинского училища, но ведь они тянутся к своим учите-

лям, в тому же Бонифацию, а чтобы создать собственную школу, требуется талант наставника, которого у Севы, увы, не было. Худрук – он и есть худрук, но это не значит, что его можно поставить в один ряд с Любимовым или Захаровым, не говоря уже о том, чтобы усадить рядом с Мейерхольдом.

Именно поэтому в те часы, когда не было спектакля, а репетиция ещё не началась или был объявлен перерыв, Севин театр напоминал светскую тусовку – актёры обменивались новостями, рассказывали последние сплетни о коллегах, однако неизменно разговор сводился к личности организатора всей этой затеи с антрепризой:

– Странный он какой-то, – делилась своими впечатлениями симпатичная актриса «Современника». – Я и так к нему подкатываюсь, и эдак, а он внимания не обращает. Случай уникальный в моей практике.

– А может, он из этих? Ну, ты понимаешь...

– Да нет, с виду вроде бы вполне нормальный. Хотя, кто знает...

– Выкинь ты его из головы! Симпатичных мужиков на наш век хватит.

– Только не каждый имеет свой театр. Эх, закрутить бы с ним, тогда все главные роли были бы мои.

– Размечталась!

Понятно, что у каждого свой интерес, свои претензии, к примеру, такие, как у актёра из «Бонбоньерки»:

– Нет, я не понимаю! Как так можно? Ведь есть же режис-

сёр, а этот лезет со своими наставлениями. Как встать, как сесть, с какой интонацией монолог произнести... Что я ему, первокурсник, что ли? У меня и звание есть, и премии на театральных фестивалях присуждали.

– Да уж, вообразил, будто он пуп Земли. Член Совета по культуре, попечитель фестивалей, соучредитель фондов...

– Ты прав! Амбиции у него офигенные! Ну и денежки немалые текут в карман.

– Видали мы таких! Лет через двадцать о нём никто даже и не вспомнит.

Тут подошёл актёр с Таганки:

– Братцы! Он меня совсем замучил! Давеча после спектакля вызвал к себе, и началось: «Я в своём театре алкашей не потерплю!» А как ещё снять стресс, если днём репетиции аж в двух театрах, а вечером надо три часа изгиляться перед публикой? В итоге настроение убийственное, в голове сумбур, кажется, сейчас откроешь рот, а вместо слов услышишь похоронный звон.

– Это ещё ничего! Я вот снимаюсь сразу в двух телесериалах, и до того дошло, что стал забывать, какую роль играю. Вчера читаю монолог из сериала про ментов, а оказалось – фильм снимают про бандитов.

– А что же режиссёр?

– Да ничего, говорит, сойдёт. У них же все сценарии словно под копирку, стандартные сюжеты, даже монологи друг у друга списывают.

Тем временем в кабинете худрука тоже говорили о насущных делах, и снова у Севы какие-то претензии, на этот раз к режиссёру-постановщику нового спектакля:

– Забурели у тебя артисты. Забурели, зажрались! Штаны на репетициях просиживают, а ни черта у них толком не выходит. Всё мимо, не по существу. Ты объясни им, что надо выходить на сцену, как на бой, выходить и делать, а не заниматься самокопанием... Смотреть на них противно!

– Всеволод Степанович, а других где взять? Я Гурскую приглашал из «Бонбоньерки», но у неё то киносъёмки, то спектакль, да ещё во МХАТе репетирует.

– Да, Алина теперь нарасхват, и самое обидное, что в России актрис такого уровня кот наплакал.

– Может, из Европы пригласить?

– Нет, зарубежные «звёзды» нам не по карману. Если актрис из Парижа буду выписывать, тогда меня в Минкульте съедят, не взирая на заслуги и звания. И без того ругают, будто я актёрам переплачиваю. А как ещё их заманить?

– Ну что поделаешь? Все актёры – эгоисты, стараются урвать себе кусок побольше, при случае тянут одеяло на себя. Но пока есть человек, который способен собрать их эгоизм в единый кулак, подчинить их мелкие интересы большому делу, театр существует, а не станет его – театр в момент развалится. Припомните, что было на Таганке.

– Ты это к чему?

– Берегите себя, Всеволод Степаныч! На вас всё дело дер-

жится.

– Ну, это я и сам понимаю, – улыбнулся Сева. – Куда ж вы без меня?

«Не хватало ещё, чтобы собственную личность разместил на фронтоне театра, эдак высотой аршина в три!». Эта мысль пронеслась в голове режиссёра, но вслух он, конечно, ничего такого не сказал.

Глава 6. После оттепели

Вопреки мнению, будто театр начинается с вешалки, исходной точкой является афиша. Там крупным шрифтом напечатано название спектакля и куда менее заметны имена режиссёра-постановщика, актёров, ну а где-то между ними затесался автор пьесы, если речь идёт о драматическом театре. Конечно, имя автора можно разместить и повыше, но от этого мало что изменится – в случае успеха все лавры достанутся артистам и режиссёру, ну а про автора вспомнят лишь в последнюю очередь, да и то, если почил в бозе не менее ста лет назад. Впрочем, возможны исключения, поэтому всё пишут и пишут, засыпая заведующих литчастью продуктами своего творчества и в тайне надеясь прочесть когда-нибудь своё имя на афише.

Вот и Глеб надеялся увидеть фамилию Бородин на обложке книги. Иногда это удавалось, однако толку буквально никакого – при небольшом тираже трудно рассчитывать на популярность у читателей. А причина его неудач предельно очевидна: если театр начинается с афиши, то успех писателя – с рекламы. Ну и где взять деньги, чтобы проплатить участие хотя бы в «Белой студии», а ещё лучше – в каком-нибудь ток-шоу? Вот если бы его творениями заинтересовался театр, тогда совсем другое дело – это, если получится удачный спектакль.

Ещё когда писал свой последний роман, Глеб прикидывал, как бы на основе этого сюжета сделать пьесу. Художник и власть – тема вечная, на все времена! Вот и Мольер с Людовиком конфликтовали... Как там у Булгакова в «Кабале святош»? «Дерзкий, талантлив. Но я попробую исправить его, он может служить к славе Царствования». Людовик пытался приручить Мольера, заставить его уважать власть имущих и писать только то, что их устроит. Ну а в романе, который сочинил Глеб, примерно то же самое: поэту предлагают написать новый текст для гимна Советского Союза, где был бы отмечен выдающийся вклад Леонида Брежнева в победу над фашистской Германией и в восстановление экономики страны. Поэт отказался, причём сделал это в довольно резкой форме, и был помещён в дурдом для перевоспитания. В общем-то, банальная история для тех лет, но нечто подобное может произойти в любой стране и в любые времена.

Наконец, работа над романом завершена. Глеб отправил рукопись в издательство, ну а пока будут её там целый год мурыжить, за пару недель можно пьесу написать. Диалогов в романе предостаточно, надо только дать комментарии к произносимым персонажами словам – вроде тех, что у Чехова в «Дяде Ване»: «покачав головой», «свистит», «зевает», «плачущим голосом», «с досадой»... Ну, с этим можно быстро справиться.

Куда более сложная задача – выбрать театр, причём такой, чтобы и достаточно популярным был, и чтобы пьесу не

превратили в безобразный перформанс, когда по сцене бегают полуголые мужики и бабы, изображая сцену из трагедии Шекспира. Только ведь в Москве около ста театров, и как из этой прорвы выбрать тот единственный? Смотреть по спектаклю каждый день – такое самый завзятый театрал не выдержит, а Глеб к театру не то, что равнодушен, но предпочёл бы посмотреть хороший фильм по телевизору, нежели тащиться через весь город, выстаивать очередь в гардероб, а потом соседом окажется какой-нибудь придурок, беспрерывно «хавающий» попкорн и вопящий к месту и не к месту что ни попадя. Когда ещё в юности случалось достать билет в «Театр на Таганке» или в «Современник», конечно, был под впечатлением, но... Но при всём старании не укладывалось в голове, как можно изо дня в день произносить одни и те же монологи, ублажая публику? Сразу из памяти возникал образ – Чарли Чаплин на конвейере в фильме «Новые времена». Не удивительно, что многие актёры спиваются.

В итоге выбрал театр, по сути, наобум, а главным аргументом стало то, что располагался он недалеко от Малой Бронной – всегда приятно навестить родные пенаты, побродить вокруг Патриаршего пруда. Впрочем, привлекло и то, что худрук театра является членом Совета по культуре, а это значит, что не будет полуголых мужиков на сцене, да и политике он наверняка не чужд, разберётся, что к чему. И вот через две недели после того, как отправил текст пьесы, получил уведомление: «Ваша встреча с художественным руководите-

лем "Театра всех времён", народным артистом Российской Федерации Всеволодом Степановичем Скороходовым назначена на 10 часов утра 22 апреля с.г. Просьба не опаздывать». Ну можно ли опоздать, когда так официально приглашают?

После того, как Глеб представился, рассказал, какие книги написал и где печатался, последовал вопрос:

– А почему выбрали наш театр?

Правду сказать нельзя, а петь дифирамбы Глеб как-то не приучен, поэтому нашёл нечто среднее:

– Да по наитию, – и пока худрук пытался понять, какой глубокий смысл заложен в эту фразу, Глеб задал вопрос, который при желании можно расценить и как отвлекающий манёвр, и как высказанное исподволь недоумение, мол, туда ли я попал?

– Позвольте спросить, «театр всех времён»... Что бы это значило?

У худрука был готов ответ – видимо, не раз что-то подобное приходилось слышать:

– Так мы же ставим пьесы от Эсхила и Шекспира до современных авторов. Теперь вот и до вашей пьесы добрались.

– Весьма почётно для меня оказаться в столь внушительной компании.

Однако худрук предпочёл не углубляться в эту тему:

– Ладно, давайте к делу перейдём. Пьесу вашу я прочитал, особенно название понравилось. «После оттепели» – это весьма оригинально, а то ведь, что ни пьеса, то в названии

сплошь имена. Гамлет, Макбет, Валентина, Маргарита... Такое впечатление, что фантазии у драматургов не хватило. Однако прежде, чем выскажусь по существу, хотелось бы узнать, какую сверхзадачу вы перед собой поставили, когда сели писать пьесу.

«Этого ещё только не хватало!» К такому вопросу Глеб не был готов, поэтому пришлось импровизировать:

– Речь в пьесе идёт о том, как после оттепели неминуемо наступает реакция. Достаточно вспомнить конец 30-х и то, что случилось после хрущёвской оттепели. Да и сейчас...

Худрук вздёрнул брови, а потом, прищулив левый глаз, спросил:

– Ну и что конкретно вам не нравится?

Глеб вдруг почувствовал себя стоящим на краю пропасти: вот укажут сейчас на дверь, а потом ещё и донесут... ФСБ не станет заморачиваться из-за такого пустяка, а вот на Совете по культуре может прозвучать приговор, который поставит крест на его писательской карьере. Срочно нужно подстелить что-то вроде соломки, а ещё лучше – увести разговор в другую сторону, чтобы уж никаких подозрений не возникло:

– Всеволод Степанович, я это к тому, что после той оттепели возникло диссидентское движение, ну а диктат либералов в девяностые и в начале нулевых привёл к разгулу неприемлимой оппозиции самых разных мастей. Но, слава богу, с этим как-то справились.

Судя по лицу худрука, такой ответ его вполне удовлетворил, хотя и с оговоркой:

– Всё же тема крайне опасная.

– Это если отнестись предвзято, если искать что-то между строк. Ну а на самом деле в пьесе всё предельно ясно, и я уверен: зрители поймут, что нет там даже намёка на крамолу.

Худрука эти слова не убедили, напротив, он ещё больше огорчился:

– Увы, публика сейчас совсем не та, что прежде. Чтобы понять, нужно иметь мозги, а их в супермаркете не купишь.

– Не думаю, что до того уже дошло.

– Да нет, всё именно так. К примеру, у нас модный, весьма посещаемый театр, но люди вместо того, чтобы в антракте обсудить то, что только что увидели, обмениваться впечатлениями, все как один ломаются в буфет. Нам даже пришлось его перестроить, увеличив площадь вдвое и вчетверо количество буфетчиков.

Некстати вырвалось:

– Ну так закройте его!

Худрук чуть не подскочил на месте:

– Что вы такое говорите? Тогда зал будет заполнен лишь наполовину, в кассе недобор, а после первого акта станет и того хуже. Представьте, каково актёрам работать в столь неблагоприятной обстановке! Да и Минкульт может урезать наш бюджет... Есть, конечно, и частные инвесторы, но и те могут разбежаться.

– Я понимаю.

– Боюсь, что не совсем, – Худрук почесал за ухом, слегка поёрзал в кресле, а затем озвучил свой вердикт: – Видите ли, в чём дело, буфет и хорошие актёры не решают всех проблем. Для благополучия театра нужна ещё политкорректность, ну а вы как-то уж очень нелицеприятно пишете о власти. Брежнев, конечно, не бог весть что, но всё-таки руководитель ядерной державы! А у вас это вздорный маразматик, не способный без подсказки принимать судьбоносные решения. Ну можно ли допустить, чтобы такой человек восемнадцать лет находился на вершине власти? – а далее последовал то ли совет, то ли приказ, который должен быть принят к исполнению: – Я бы в вашей пьесе сделал акцент на том, что после весенней оттепели всегда наступает лето.

«Сразу уйти или сначала дать ему по морде?» – эта мысль мешала Глебу сформулировать возражение, поэтому ограничился двумя словами:

– Я попробую.

– Вот и замечательно! Надеюсь, недели вам на это хватит.

Глава 7. Что под маской?

Глебу хватило и двух дней, чтобы внести коррективы в текст. «А чего тянуть? Если не понравится, обращусь в Лёше Кривицкому, встречались ещё в студенческие времена. У него хоть и крохотный театр, но зато не станет требовать, чтобы после оттепели непременно наступило лето».

Как ни странно, Скороходов больше не предъявлял претензий к тексту пьесы, лишь заметил, что ожидает приезда некой знаменитости из Прибалтики, тогда и состоится предметный разговор. «Светило» всё не появлялось, и Глеб решил посетить несколько спектаклей, дабы оценить художественный уровень постановок «Театра всех времён», а начал с «Мастера и Маргариты». Конечно, это не то, что было на Таганке, но ведь у каждого своё представление о том, каким должен быть спектакль по знаменитому роману.

Особенно понравился Андрей Смольников в роли Понтия Пилата. Воланд тоже впечатляет. Вот и Маргарита хороша! Смучило то, что актриса исполняет несколько ролей в одном спектакле – зачем разминиваться на такие «пустяки», как Фрида и Наташа? Разве что худрук решил сэкономить на зарплате...

Ну а к Мастеру у Глеба особое отношение – ещё в то время, когда впервые прочитал роман, никак не мог избавиться от ощущения, что этот персонаж оказался как бы на обочине.

Сюжет развивается стремительно, а Мастер почти всё время не у дел – не удостоился даже приглашения на Великий бал у сатаны. Да и фигура весьма невыразительная, спасает только то, что понимающий читатель видит в этом персонаже самого Булгакова. Но ведь тогда и актёра надо подобрать того же уровня, а тут роль Мастера исполняет худрук – можно подумать, что членство в Совете по культуре равнозначно статусу автора «Собачьего сердца» и «Дней Турбиных»... Дальше развивать эту мысль Глеб не решился, а то, не дай бог, пропадёт желание сотрудничать с театром.

После спектакля худрук пригласил Глеба за кулисы и представил актёрам:

– Это наш новый автор, Глеб Васильевич Бородин. Прошу любить и жаловать! В самом скором времени мы поставим спектакль по его пьесе «После оттепели».

Актёры, конечно, всполошились, стали спрашивать, не найдётся ли для них чего-нибудь, но Глеб развёл руками:

– Распределение ролей – это дело режиссёра и худрука. Могу лишь порекомендовать Андрея Смольникова на главную роль в спектакле.

Не удивительно, что актёры потеряли интерес к несговорчивому автору и разошлись по своим гримёркам, только Смольников задержался – предложил отправиться в ресторан «Дом актёра», что на Арбате, и там обсудить принципы дальнейшего сотрудничества. Это вполне логично – чтобы хорошо исполнить свою роль, актёр просто обязан проник-

нуться видением автора, посмотрев на своего героя глазами его гениального создателя. Так примерно Смольников и сказал.

Когда уселись за столик, сразу перешли на ты, а как иначе, если оказалось, что почти ровесники.

– Ну и о чём же твоя пьеса?

Понятно, что питейное заведение – не самое подходящее место для серьёзных разговоров, однако претенденту на главную роль невозможно отказать. Только ведь не станешь же здесь читать весь текст. Даже если ограничиться «сверхзадачей», всё равно это ни о чём.

– Сюжет начинается с того, что некоего поэта пригласили в Кремль. Там его провели в кабинет генерального секретаря компартии...

– Уже интересно! – оживился Смольников, разливая по рюмкам водку.

После того, как выпили, Глеб достал из кармана небольшой планшет и стал читать:

Генсек. Ну здравствуй, герой!

Поэт. Здравствуйте, Леонид Ильич! Только почему герой?

Генсек. Мне тут товарищи сказали, что хорошие стихи пишешь.

Поэт. Да вроде бы.

Генсек. А почему до сих пор не лауреат?

Поэт (с улыбкой). Рожей не вышел, Леонид Ильич.

Генсек. Гм, вижу, с юмором у тебя всё в порядке. Я тоже пошутить люблю... Но дело у меня к тебе серьёзное. Хочешь Ленинскую премию получить?

Поэт (удивлённо). Так вроде бы ещё не заслужил.

Генсек. Выполнишь задание партии, тогда и Звезду героя тебе на грудь повесим. Вон у меня их сколько! Пора бы и тебе... В общем, мы тут с товарищами посоветовались и решили: ты должен написать новый гимн СССР.

Поэт (оторопело). Так ведь есть уже.

Генсек. Есть-то есть, но устарел. Время идёт, уже развитой социализм построили... Только вот какая закавыка. Про руководящую и направляющую роль партии сказано всё верно, но какая же это партия без генерального секретаря? Понимаешь?.. Тут несколько лауреатов пытались сочинить текст, но получается белиберда. За что им только деньги платят? Поэтому на тебя надежда. Надо бы в гимне чётко указать, кому конкретно страна своим процветанием обязана.

Поэт (мотает головой). Извините, Леонид Ильич, я не могу.

Генсек (удивлённо). Это почему?

Поэт. Да какое же это процветание, если одни объедаются паюсной икрой, а простые труженики в провинциальных городах живут впроголодь? Я недавно навещал родню во Владимирской области, так в продуктовых магазинах пусто, ни мяса, ни сыра, ни колбасы. Да они бы ноги протянули, если бы не свой огород!

– Далее разговор продолжился на повышенных тонах, и в итоге генсека хватил апоплексический удар, а поэта отправили в спецбольницу КГБ для излечения от вредных мыслей. Там он познакомился с другими «узниками совести», и каждый рассказал ему свою историю, о том, как туда попал, – Глеб замолчал, и теперь ждал, что дальше будет.

Смольников покрутил головой, поджал губы раз, другой, словно бы в чём-то сомневаясь, а потом спросил:

– Ну и зачем? Зачем тебе всё это нужно? Сталин, Брежнев, Ельцин... Да какая разница? Лучше напиши о том, как мы живём. Можно снять классную комедию!

– Что же ты углядел смешного в нашей жизни?

– Да неважно! Главное в этом деле – прилично заработать. Режиссёра подходящего я тебе найду... Есть такой фильм, называется «Про родину», мой приятель Петя Суслов его снял. Обязательно посмотри!

– Постой, постой, припоминаю... Но это же тихий ужас! Примитивные диалоги, убогие претензии на философский смысл, и больше ничего! Зато наверняка славно отдохнули во время киносъёмок на Бали.

Смольников изумлённо приподнял брови, затем встал из-за стола и попытался изобразить боксёрскую стойку:

– А в морду не хошь?

До драки дело не дошло – вмешались посетители ресторана, сидевшие за соседним столиком. В итоге Глеб с Андреем решили, что разумнее будет выпить ещё по одной.

– Зря ты, Глеб, всё это затеял, – Смольников неторопливо разъяснял свою позицию, запихивая в рот кусок селёдки. – Я вот на свои гонорары, считай, полсвета уже объездил, а ты корпишь над писаниной... Никому это не нужно, да и денег так не зарабатываешь.

– По-твоему, литература, театр и кино – это только бизнес?

– А что ещё? Так уж устроен этот мир. Бери, пока дают!

Смольников, как и в лучших своих фильмах, был весьма убедителен – словно бы опять надел маску философа и прорицателя. «Неужели все они такие? – подумал Глеб. – На сцене восхищают своей игрой, так и брызжут по сторонам своей значительностью, а на поверку оказывается, что внутри пустые».

Вот и закончилось знакомство с интересным актёром. Впрочем, чего от него ещё ждать, если сам признался в недавнем интервью, будто умеет только кривляться, да произносить кем-то сочинённый текст. Типичный лицедей! Однако маска впечатляет.

Глава 8. Перфоманс с переодеванием

Если действие происходит в палате психлечебницы, тут простор для творчества талантливого режиссёра – никаких ограничений нет, поскольку происходящее не имеет никакого отношения к привычной нам реальности. Вот и Бруцкус, та самая знаменитость из Прибалтики, уцепился за пьесу, хотя был немного огорчён отсутствием среди персонажей представительниц прекрасной половины человечества. Впрочем, тут же нашёл выход из этой ситуации:

– В конце концов, мне всё равно, в юбке актёр или на нём надеты галифе. Недаром в средневековом театре мужчины изображали женщин, да и сейчас в театре кабуки примерно то же самое. И всё же я добавил бы один женский персонаж, к примеру, медсестру или санитарку.

Сева возразил:

– Роберт! Сразу видно, что ты в дурдоме не бывал. Там на эти должности берут только мужиков из спецназа ВДВ или, на худой конец, бывших боксёров и штангистов.

– Жаль! Тогда без мужеложества никак не обойтись.

– Только этого нам не хватало! – всплеснул руками Сева. – За это можно схлопотать и срок.

– Ну тогда не знаю. Без секса будет пресновато.

Глеб в спор режиссёра и худрука до сих пор не вмешивался, но тут в голове возникла интересная идея. Придётся кое-что дописать, однако деле того стоило:

– А что, если добавить галлюцинации после приёма антидепрессантов?

Бруцкус аж взвизгнул от восторга:

– Прекрасная идея, Глеб! Тогда можно устроить на сцене вакхические пляски...

– Постой, постой, Роберт, ведь пьеса вовсе не о том! – не согласился Сева.

– Да какая разница? Понравилось бы зрителю, а остальное – пустяки!

– Допустим. И кто же будет у тебя плясать, и под какую музыку?

– Пригласим оркестр Юрия Шаблада и кордебалет Большого театра, а в качестве солистки Алину Гурскую, я когда-то её видел в спектаклях «Бонбоньерки».

– Ты с ума сошёл! Этого никакой бюджет не выдержит!

Сева упёрся, как бык, а вот Глеб идею поддержал:

– Не знаю, как Шаблад, но Гурская способна поднять наш спектакль до уровня, который театру прежде и не снился.

– Вот только не надо меня обижать, – худрук взаправду обиделся, и потому не намерен был сдаваться: – Я делаю всё, что в моих силах, а ваши, прошу прощения, завиральные идеи, могут театр до банкротства довести! Где гарантия, что это публике понравится?

Когда речь заходит о бюджете, даже Бруцкус вынужден сдать назад:

– Что ж, пусть пляшут под фонограмму, однако Шабада я бы упомянул в афише. Это же мировая знаменитость!

– Ну ладно, – согласился Сева. – Насчёт кордебалета я договорюсь, но Гурская... Не раз уже её приглашал, и каждый раз одно и то же: «Пьеса слабая, режиссёр никакой, а я в нескольких спектаклях занята, да ещё киносъёмки».

– Нет уж, доказывать какой-то там актрисочке свою квалификацию я не собираюсь.

После этих слов Бруцкуса идея с вакхическими плясками словно бы повисла в воздухе – одним кордебалетом её не спасёшь. Глеб понял, что придётся вызывать огонь на себя – это в том случае, если у Гурской и впрямь отвратительный характер:

– Может, я попробую?

Как это сделать, Глеб пока не знал. Сева сообщил контакты Гурской, но тут телефонным звонком не обойдёшься, нужно встретиться лицом к лицу – только тогда можно найти путь к сердцу женщины. Обольщать Алину Глеб не собирался, не в том возрасте уже, однако при встрече тет-а-тет легче отыскать те струны, на которых следует сыграть, чтобы добиться желаемого результата. Но как? Подждать у служебного входа в толпе поклонниц и «сырих», мечтающих о селфи в компании с Хазарским – это ниже всякого достоинства, конечно, если оно есть. Если приставать в подъез-

де дома, где она живёт, можно оказаться в полиции. Тогда единственный вариант – найти способ, как пройти за кулисы, а там уж исхитриться, чтобы попасть в её гримёрку. Далее придётся действовать по обстоятельствам, вплоть до того, чтобы встать на колени и умолять пойти навстречу пожеланиям начинающего драматурга. Будь Глеб лет на двадцать помоложе, так бы и поступил, ну а сейчас надо бы поискать что-то более оригинальное и убедительное.

В прежние времена всё было гораздо проще – дал служителю, к примеру, «красненькую», и гуляй себе по закоулкам театра, можешь даже в гримёрку к прима-балерине заглянуть. Теперь же всё не так – везде им террористы чудятся, а солидному человеку веры уже нет. За деньги могут пересадить с бельэтажа в партер, а за кулисы всё равно не пустят, хоть сотенную заплати в евро или в долларах. Решение само собой нашлось, причём в буфете. Антракт уже закончился, но Глеб не торопился в зал – вот если бы спектакль был по его пьесе, тогда бы непременно посмотрел, а слушать, как читают то, что когда-то классики писали про любовь, – это какое же терпение надо иметь, чтобы досидеть до самого финала! В общем, разговорился Глеб с буфетчицей, объяснил, что хочет попросить актрису сыграть в спектакле по его пьесе, вот буфетчица и подсказала за умеренную плату:

– К финалу спектакля я должна по всем гримёркам минеральную воду разнести, прямо из холодильника, чтобы актёр после трудов праведных мог освежиться. Ящик с бутылками

тяжёлый, так мне кто-то из рабочих сцены помогает... Давай напялим на тебя комбинезон, личико измазюкаем, а я скажу охраннику, что свой, хотя на чёрта лысого похож. Только уж ты меня не подведи! Чтобы никаких шалостей!

Глеб поклялся на портрете Станиславского, который украшал буфет, и понеслось! Ну а когда из репродуктора, висевшего на стене гримёрки, послышались аплодисменты и восторженные крики зрителей, он уже проник в гримёрку, успел переодеться, привести себя в порядок и теперь ждал, когда явится Алина. Только бы пришла одна, а то все труды насмарку!..

– Вы кто такой? Как сюда попали?

– Если скажу, что писатель, драматург, вы же не поверите.

Она молчит, и держится за дверную ручку, словно бы вот-вот откроет дверь и позовёт на помощь, а Глеб пытается найти подход к актрисе – прежде всего надо бы заставить её улыбнуться:

– В ухажёры я тоже не гожусь.

– Уж это точно!

Как сказал бы Остап Бендер, лёд тронулся...

– Тогда остаётся последний вариант. Я предлагаю вместе отправиться в ресторан, и вы узнаете, почему я вынужден был переодеться в грузчика и вымазать чёрт-те чем руки и лицо. Кстати, мыло у вас слишком уж пахучее, а полотенцем я не пользовался, так просох.

Алина улыбнулась:

– Могли бы взять мой фен.

А потом, уже когда ехали в такси, спросила:

– Глеб, вы всегда такой находчивый?

– Исключительно по вдохновению, Алина.

– И надолго его хватит?

– Думаю, часа на два, на три. Окончательно иссякнет в двух шагах от подъезда вашего дома.

Алина отвернулась к окну, и Глеб так и не смог увидеть, какие чувства отразились на её лице – то ли насмешка, то ли сожаление.

Глава 9. Надежда умирает последней

– Глеб, вы в своём уме? Я-то надеялась получить одну из главных ролей, а тут выходит, что придётся плясать в компании с кордебалетом. Это уму непостижимо, ничего подобного мне никто никогда не предлагал!

Так Алина отреагировала на просьбу принять участие в спектакле – это случилось уже после того, как расположились за столиком в ресторане и Глеб рассказал, о чём же его пьеса:

– Успокойтесь, Алина! Дело в том, что эта идея возникла неожиданно, спонтанно. Только вчера мы обсуждали концепцию спектакля вместе с худруком и режиссёром-постановщиком, тогда я и предложил внести в сюжет что-то вроде видений, которые возникают в подсознании пациентов психлечебницы. Так что ничего ещё не ясно, и многое зависит от ваших пожеланий.

Алина немного успокоилась.

– А кто режиссёр?

– Роберт Бруцкус.

– Вот как! Это меняет дело. С ним я ни разу не работала.

– Ну вот и замечательно!

– А под какую музыку плясать?

– Вроде бы с Юрием Шабаром хотят договориться.

– Ах, этот... Как-то была у него в гостях вместе с приятелем, он тоже музыкант. Стены гостиной увешаны дипломами, почётными грамотами, благодарственными письмами, а на полу валяются пустые бутылки из-под вина. Станный тип, но многие считают, что гениален...

Чем занимается этот Шабар в своей квартире, Глебу без разницы, поэтому не стал углубляться в эту тему...

Когда уже подъезжали к дому Алины, Глеб спросил:

– Так я могу надеяться?

Она не сразу поняла смысл его вопроса?

– Вы о чём?

– Это вам решать. То ли романтическое свидание, то ли деловой разговор – варианты на любой вкус.

Следующая встреча с Алиной состоялась уже после того, как Глеб переслал ей текст пьесы, пока без описания вакхических плясок – над этим ещё нужно поработать. Снова они в каком-то кафе.

– Я так понимаю, Глеб, что Брежнев тут как бы для заправки, а пьеса вовсе не о том.

– Вы схватываете идею на лету.

– А не боитесь? Ведь вам таких откровений не простят. Где это видано, чтобы ругали власть, упрекая в лицемерии, самодурстве, глупости, бездушии?

– Так ведь что с умалишённых взять? – Глеб развёл руками, как бы демонстрируя своё бессилие, и с лукавой усмеш-

кой уточнил: – Я имею в виду пациентов психлечебницы.

Алина рассмеялась, ей понравился ответ. Но тут же снова высказала опасение:

– А что, если Скороходов поймёт, какую мину вы заложили под его театр.

– Ну, это вряд ли. К тому же Бруцкус так вцепился в пьесу, что худрук не устоит перед его авторитетом.

– Я заметила, что вы предпочитаете не называть его по имени. Худрук и только. С чего бы так?

Глеб не хотел откровенничать, но похоже, что от Алины ничего не утаишь. Попытался облечь свои слова в обтекаемую форму:

– Я воспринимаю его как некое приложение к театру, некий символ, который был возведён на пьедестал по неизвестной мне причине.

– Вы считаете его плохим актёром?

– Если коротко, то я ему не верю. Это, как у Станиславского... Ну а ваше мнение?

Алина задумалась, тоже подбирала нужные слова.

– У нас не принято ругать коллег. Сегодня я его упрекну в бездарности, а завтра он меня... Так ведь можно остаться и без премий, и без званий, и без интересных ролей. Всё потому, что многое молва решает! Сплетни, слухи... Как там у Высоцкого? «И беззубые старухи их разносят по умам», – и тут вдруг произнесла слова, которые Глеб не ожидал услышать из её уст: – А знаете, я вам завидую. Вы свободны в

своих действиях, а мы, как марионетки в руках режиссёра, крутимся, вертимся, исполняя его прихоти...

– Я до сих пор не могу понять, как вам это удаётся. Изодня в день одно и то же... Так ведь и свихнуться можно!

– Скорее уж вам это грозит.

Алине был неприятен даже намёк на встречу с психиатром. С ней такое уже было, но Глеб этого не знал и потому продолжил эту тему, но уже в ином ключе:

– Я вдруг представил, что мы оказались в одной палате психлечебницы... Вот было бы забавно!

– Ну уж нет, я не готова составить вам компанию.

Только тут он понял, что Алине не до шуток, поэтому и спросил:

– Так я могу быть уверен, что вы примете участие в спектакле?

Алина не спешила с ответом – посмотрела в окно, словно бы там могла найти подсказку, но, видимо, убедилась, что решение придётся принимать самой:

– И кого мне предстоит изображать на сцене?

– Ведьму!

Это слово вырвалось изо рта помимо воли, как будто кто-то подсказал. Но Глеб и не думал извиняться, уверять, что пошутил, поскольку понял, что это именно то, что надо...

У Алины сначала округлились глаза от изумления: «Как посмел такое предложить?» Но первая реакция не всегда бывает правильной. Похоже, в её сознании произошёл некий

процесс переоценки ценностей, и после минутной паузы всё изменилось с точностью до наоборот:

– Ах, как ты угадал! Я давно уже мечтаю сыграть эдакую стерву, а то всё про любовь, да про любовь... И какие же тёмные силы мне придётся олицетворять?

– Власть! – это слово Глеб произнёс уже вполне осознанно, поскольку ещё не написанная сцена постепенно обретала конкретные черты.

Захочет ли Алина сыграть такую роль? Не всякая актриса поставит под удар свою карьеру. Но оказалось, что беспокоит её совсем другое, это стало видно по глазам – сначала было изумление, потом восторг, а теперь у Глеба возникло опасение, что не удастся избежать скандала.

– Ты знаешь, я тут вспомнила «Голого короля»...

– Когда-то смотрел спектакль по этой пьесе в «Современнике».

– И вот что я подумала. Наверняка Бруцкус хочет, чтобы я скакала по сцене голышом, размахивая красным флагом, – тут она словно бы вонзила в Глеба взгляд, ожидая подтверждения: – Так вот, этого не будет! И пусть катится ко всем чертям со своим эротическим перфомансом!

«Ну и характер! Его бы использовать в мирных целях, а не для разжигания вражды в театральном коллективе».

– Алина, ты не права! Мысль о ведьме, олицетворяющей власть, возникла у меня только сейчас. И тут не обошлось без твоего благотворного влияния.

Помогло. Алина понемногу успокоилась, хотя, по сути, сама довела себя до состояния, близкого к истерике.

– В общем, так. Я пока согласия на участие в спектакле не даю, посмотрю, что ты там напишешь.

– Но ты же понимаешь, что вакхические пляски и, к примеру, брючный костюм или офицерский китель никак не совместить, придётся пойти на какие-то уступки.

– Ладно, не впервой. Однако театр и кино – это две большие разницы. Во время киносъёмок эротических сцен на меня глазят только режиссёр и оператор, а тут весь зрительный зал...

«Да уж! Если дошедшие до исступления мужики попрут на сцену, их ничем не удержать... А поливать водой из брандспойтов или травить слезоточивым газом – это уже чересчур. Хотя Бруцкус наверняка будет доволен».

Глава 10. Ведьма в смирительной рубашке

Прошло два месяца, уже было два прогона, впереди маячила премьера и ожидался оглушительный успех. Но вот после очередного заседания Совета по культуре, которое опять состоялось в Кремле, к Севе подошёл Ковыкин, помощник президента по общим вопросам:

– Всеволод Степаныч! Слышал, вы бомбу собираетесь подложить под Кремль...

– Что вы такое говорите, Лев Ефимыч? – опешил Сева. – У меня и в мыслях ничего такого не было, а террор я с детства осуждаю.

– Ну как же, раскопали где-то пьеску сомнительного содержания, пригласили заезжего режиссёра, будто своих у нас нет, и стряпаете сатиру на действующую власть.

– Господь с вами! Пьеса про застойную эпоху, а у нас, слава богу, с этим нет проблем, экономика растёт и развивается.

– Экономика тут ни при чём, а вот если по сцене будут бегать голые бабы за казённый счёт, мы не только культуру, мы страну развалим!

Сева отбивался, как только мог:

– Во-первых, не голые, а полуголые. А во-вторых... – тут он запнулся, потому что больше нечем было крыть.

Видя страдания худрука, Ковыкин смилостивился:

– В общем, так. Я докладную писать не буду, но меры вы примите, и в кратчайший срок, – и уже завершая разговор, добавил: – Вам хоть и многое позволено, гораздо больше, чем другим, однако советую не зарываться.

Что и как нужно предпринять, Ковыкин не сказал, поэтому, пока добирался до театра, Сева что есть мочи напрягал свой мозг, но ничего так и не придумал. Бруцкус уж точно ничего не подскажет – сделает театру ручкой и бегом на самолёт, а напоследок ещё и обругает нехорошими словами. Отменить премьеру – тоже не вариант, поскольку денег уже немеряно истрачено. Переделать диалоги? Бородин не согласится, скажет, не для того корпел над пьесой, чтобы его текст курочили, и будет прав. Разве что обратиться к министру, но эта уж точно на роль Фурцевой не тянет – никто её не станет слушать. А это значит, что без Водопоева опять не обойтись.

В последний раз встречались, когда возникла необходимость в привлечении финансовых средств – бюджетных денег не хватало для реализации грандиозных планов. И Водопоев инвестора нашёл – к удивлению Севы, им оказался тот самый Митяй, с которым вместе добирались до Москвы тридцать лет назад. Теперь он уважаемый бизнесмен, владелец холдинга, ворочает миллионами, а ведь начал покорение столицы с карманных краж, сам на это намекал. Да у таких на физиономии написано, что бандит! Сева не хотел иметь с ним дело, но Водопоев уговорил:

– Ну где ты теперь найдёшь белого и пушистого? У каждого миллионщика есть скелет в шкафу, а то и собственное кладбище – не наяву, а в памяти. Это не значит, что руки у него в крови – достаточно того, что обокрал, опозорил, разорил, довёл до самоубийства, но это, если уж совсем несчастному не повезёт.

Вроде бы всё так и от реалий не уйдёшь, однако трудно избавиться от ощущения, что ещё шаг и можно оказаться в мышеловке.

– Да брось! – успокаивал Водопоев. – Митяю ничего от тебя не нужно, у него всё есть. Надо лишь записать его фирму в официальные спонсоры, ну и при случае отметить вклад в развитие театрального искусства. Тебя от этого не убудет, а ему приятно.

Сева взял деньги у Митяя и с тех пор обходился без советов Водопоева, однако тут дошло до того, что готов продать душу дьяволу, лишь бы спас театр от катастрофы. А ведь отмена премьеры не только приведёт к появлению дыры в бюджете, это ещё и удар по имиджу. Да ни один европейский режиссёр больше не захочет иметь с ним дело, а как тогда публику заманивать в театр?

Водопоев сразу понял, что ситуация экстраординарная, такой и злейшему врагу не пожелаешь:

- Да, Сева, влип ты крупно! И на кой лях тебе эта пьеска?
- Так ведь даже Бруцкусу понравилась.
- Бруцкусы приходят и уходят, а тебе здесь жить.

– Неужели сделать ничего нельзя?

Сева с надеждой посмотрел на Водопоева, но тот только пожал плечами:

– Могу яичницу пожарить или шашлык соорудить. А вот снять с должности чиновника из Администрации, у которого на тебя вырос зуб... – и тут словно бы что-то вспомнил: – Кстати, с чего бы это он к тебе пристал? Ни у кого больше претензий к пьесе нет, только он упёрся.

– Да мы с ним прежде никогда не пересекались.

– Так-так... – судя по тому, как Водопоев сморщил лоб и поджал губы, где-то в глубине сознания пошёл мыслительный процесс, и через пару минут он благополучно завершился: – А знаешь, Сева, не зря французы говорят «шерше ля фам». Ну-ка припомни, где и когда ты перешёл дорогу его пассии.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что мы имеем дело с примитивным шантажом. Как только ты дашь его протеже роль в спектакле, он отстанет.

– Но почему прямо не сказал?

– Тебе и имя назвать, и адрес квартирки, где в постели кувыркаются? Нет, брат, так у них дела не делают. Сам должен догадаться, если место под солнцем не хочешь потерять. Давай выкладывай, какие у тебя там женские роли.

– У нас только ведьма и кордебалет.

– Не густо. Кордебалет сразу отпадает, ну а любовница в роли ведьмы – это уже мазохизм какой-то!.. Ну-ка припомни

дословно, что этот хмырь тебе сказал.

– Что-то про голых баб, пляшущих по сцене...

Водопоев аж подпрыгнул, не слезая с дивана:

– Так с этого и надо было начинать! А у тебя вечно через задницу... Теперь всё предельно ясно, а то я, грешным делом, подумал, что у него симпатия к представителю того же пола, – Водопоев, испытывая вполне понятное возбуждение, потирал руки, а затем попытался разъяснить Севе, что к чему: – Итак, кто-то там наверху положил глаз на эту твою ведьму и не желает ни с кем делиться, даже с театральной публикой. Ведьма-то, небось, гоняет по сцене нагишом? Знаю я этого Бруцкуса, он любитель до клубнички.

– Ну не совсем, чтобы нагишом... Только ведь Алина уже снималась в эротических фильмах.

– В том-то и дело, а то бы этот кто-то и внимания на неё не обратил!.. Кстати, не удивлюсь, если эротику из этих фильмов вырежут.

– Там тогда ничего не останется, то есть просто не на что смотреть.

– Есть другой вариант – фильмы изымут из проката, найдут, к чему придраться.

– Но так нельзя, это произвол! А как же чистое искусство?

– Где ты его видел? У нас всё на политике замешано либо на личных предпочтениях. Короче, так! Нужно срочно ведьму приодеть! Хоть брючный костюм, хоть пижаму, хоть сми-рительную рубашку на неё напяль...

Тут в Севинном мозгу как бы сошлись две прежде несвязанные между собой половинки целого, в итоге сформировав столь необходимую каждому спектаклю сверхзадачу: «А ведь это мысль! Как можно в дурдоме обойтись без смирительной рубашки? Вот и в нашей жизни примерно то же самое...»

Бруцкуса нелегко было уговорить. С большим трудом пришли к консенсусу, что называется, нащупали золотую середину: кордебалет будет предельно обнажён, при этом ведьма как бы на контрасте, то есть совсем наоборот, а поверх смирительной рубашки – пояс целомудрия. Теперь уж точно повод придраться не найдут.

Глава 11. Страсти по Алине

Итак, премьера состоялась несмотря на противодействие влиятельных персон и жаркие споры между худруком, режиссёром и драматургом, что иной раз ставило постановку под угрозу срыва. Но вот что удивительно, наибольший успех выпал на долю Алины Гурской – зрители не позволяли ей покинуть сцену, требуя ещё раз и ещё раз повторить «танец целомудрия», как называли его про себя создатели спектакля, хотя по большей части это напоминало пляску подвыпившей девицы в ночном клубе. Публика была в восторге, но самое странное это то, что обитатели дурдома как бы отошли на второй план, а главным действующим лицом оказалась ведьма в исполнении Алины.

По давней традиции участники спектакля отметили успех – для этого был накрыт большой стол а-ля фуршет в буфете, так что закуски и выпивки хватило всем, даже плясуньям из кордебалета. Посетили это мероприятие и дорогие гости, те самые, которым были предназначены места в первом ряду партера – министр культуры с мужем, мэр столицы, пара чиновников из Администрации, ну и, конечно, главный спонсор. Митяй пришёл с букетом диковинных цветов, что-то вроде заморских орхидей – цветы вручил Алине Гурской, а всем остальным участникам спектакля досталось по конверту, что-то вроде бонуса за доставленное удовольствие,

как пояснил Митяй. На этом фоне поздравления облечённых властью лиц выглядели довольно убого, можно было обойтись без них.

Тут-то и случился деликатный разговор между двумя попутчиками, двумя покорителями Москвы, хотя в нынешних обстоятельствах это было совсем необязательно, поскольку у каждого из них теперь свой путь, ну а всё остальное оговорено в спонсорском контракте. Инициатива исходила от Митяя и, судя по всему, дело было настолько важное, что он буквально вырвал Севу из рук захмелевшего мэра и потащил за собой, намереваясь найти укромный уголок, где бы им не помешали.

– Тут вот какое дело, Сева. Не мог бы ты устроить мне эдакий междусобойчик с этой вашей фифой. Так просто не подойдёшь, за ней всё время кто-то увивается. Ты сделай всё, как надо, я за ценой не постою, ты же меня знаешь.

Понятно, что речь шла об Алине. Другой бы на месте Севы обиделся – не за себя, а за актрису, которую обозвали «фифочкой». Однако хушрук отреагировал иначе:

– В нашем контракте это не прописано. Я не обязан поставлять тебе девиц.

– Так в чём проблема? – усмехнулся Митяй. – Сейчас вызову юриста, всё оформим. Только сумму назови!

Сева отшатнулся:

– Совсем сдурел?

– А чего тут странного? В этом мире всё покупается и

продаётся. Могу и театр твой купить. Представляешь, вместо «Театра всех времён» – «Театр Митяя»... Да он гремел бы на всю страну, от Калининграда до Самары, от Самары до Владивостока!

Митяй на все времена – это уму непостижимо! Этого Сева никак не мог стерпеть, потому и отвечал довольно резко:

– Ты слишком много выпил, поэтому и несёшь ахиною.

– Да нет, сегодня трезв, как стёклышко. А всё потому, что у меня серьёзные намерения.

– Знаю, что у тебя на уме! Затащить её в постель, а через неделю бросишь.

– Мораль мне собираешься читать? А сам... Думаешь, не знаю, что мои деньги прикарманил, те, что должен был тратить на театр?

– Это клевета!

Ещё чуть-чуть и Сева мог бы разреветься – до того обидно было. День и ночь вкалываешь, как проклятый, а вместо благодарности ничем не доказанное обвинение. Ну а Митяй понял, что уговорами Севу не проймёшь и надо применить стандартную методу:

– В общем, так. Если не устроишь мне свидание, поставлю тебя на счётчик. Один процент с украденной суммы за каждый день просрочки, – а затем придвинулся вплотную: – Да я тебя голым в Африку пущу, и никакие мэры и министры не помогут!

Праздник был вконец испорчен – понятно, что для Севы,

а остальным всё нипочём. Впору пожалеть, что по совету Водопоева связался с этим шантажистом, но ведь без его финансовой поддержки не смог бы пригласить ни Бруцкуса, ни Алину. Да много чего бы не было из того, что удалось сделать и для себя, и для семьи. Вот и думай теперь, как поступить. Будь Алина в его трупке, тогда можно надавить, да и то вряд ли бы что-то получилось. Если же пригрозить, что снимет с роли, зритель это Севе не простит, да и где ещё найдёшь такую? Короче, куда ни глянь, всё словно бы в дыму и ни малейшего просвета.

Тем временем фуршет продолжился, хотя уже без участия влиятельных персон. Да и какой от них толк? Вот Митяй – совсем другое дело, ящик шампанского с собою приволок, не считая бонусов. Пили за его здоровье, за то, чтобы почаще ставили спектакли по таким пьесам. Но, когда решили выпить за здоровье автора, оказалось, что его и след простыл, да и Алина куда-то подевалась.

В том, что случилось потом, уже дома у Алины, нет ничего удивительного – не написал бы Глеб эту пьесу, не было бы и бенефиса Алины. Это именно так, ведь на её долю выпал ошеломляющий успех, а остальные актёры выступили как бы в роли подпевал или массовки. Тут уж не обойтись без выраженной в той или иной форме благодарности, причём идущей от души и никак не связанной с какими-то меркантильными и сиюминутными соображениями...

Когда на смену страсти пришла усталость, Глеб закурил,

а вот Алину ни с того и ни с сего потянуло куда-то в область психоаналитики, хотя нельзя исключать, что вопрос Алина задала неспроста, с дальним прицелом:

– Глеб! Как ты думаешь, почему мужики видят во мне только красивую куклу, инструмент для удовлетворения их похоти?

– Возможно, ты сама виновата.

– С чего бы это? – Алина приподняла голову с подушки, готовясь дать отпор.

– Если бы ты соответствовала их представлениям о женщине, которая способна создать уют в доме, нарожать детей, тогда всё было бы иначе.

– Но я этого не хочу.

– Почему?

– Не хочу и всё! Не всем же уготована судьба моей прабабки, у которой было семеро. Тогда всё было строго – если на венчании супруги поклялись в любви и верности, так тому и быть. Ну а теперь иначе – моя подружка тоже семерых родила, а муж такого «изобилия» в семье не выдержал и ушёл к другой.

Тема сложная, и сейчас не самое подходящее время, чтобы это обсуждать. Остались бы друзьями, против чего Глеб не возражал, тогда можно не стесняться в выражениях, мол, давно пора подыскать себе приличного мужика, а профессию отодвинуть на задний план. Но, во-первых, с Алиной этот фокус не пройдёт – может послать, куда подальше, у

неё амбиции едва ли не зашкаливают. А во-вторых, как-то неудобно её в чём-то упрекать, если у обоих почти одновременно возникло неодолимое желание, стоило переступить порог её квартиры. И вот теперь приходится словно бы кружить вокруг да около, только бы Алину не обидеть:

– Что ж, такое иногда бывает. К примеру, некоторые женщины боятся располнеть после родов или не хотят, чтобы пострадал их бизнес, поскольку уход за ребёнком потребует слишком много времени. Была у меня подруга, тоже не хотела иметь детей – ей в голову втемяшило, что непременно родится какая-то зверушка... И что тогда с ней делать? Тут многое зависит от партнёра, от мужчины, поскольку генетическая совместимость – это непростая штука! Ну а если не хочешь иметь детей, зачем же заводить семью? Если только ради секса...

– А любовь?

– Для этого не обязательно жить вместе.

– Друг к другу в гости приходить?

– Ну да, по мере надобности...

Алина не дала договорить – попыталась придушить подушкой. А ведь могла бы и лицо расцарапать, это у неё за просто, в этом Глеб не сомневался. Уже когда немного успокоилась, спросила:

– А как бы ты поступил на моём месте?

Душить Арину Глеб не собирался, а тема «рожать или не рожать» вроде бы исчерпана, поэтому попытался свести всё

дело к шутке:

– Не могу представить себя в роли женщины. Сверху глубокое декольте, снизу тоже поддувает, да ещё надо брови выщипывать и губы красить... Это же морока!

Такой ответ Алину не устроил – похоже, настроена на серьёзный разговор:

– И всё же? Не увиливай, ты понял мой вопрос.

«Давать советы женщине, лёжа с ней постели – это явно не мой стиль. А то ведь можно договориться бог знает до чего, вплоть до признания в любви, хотя бы выраженного в обтекаемой форме – мол, я бы хотел, чтобы ты оставалась здесь, рядом со мной, как можно дольше. Не в постели, конечно, это было бы уж чересчур, но в этом доме или где-то по соседству. Выглядит цинично? Ну а как иначе, если знакомы без году неделю, друг о друге ничего не знаем, а тут вопрос в упор. И кто будет виноват, если не получится? Разбежимся кто куда, затаив обиду». Такие мысли пронеслись в голове Глеба и судя по всему, Алина поняла, что происходит:

– Ладно, не заморачивайся, Глеб.

Утром она ушла ещё до того, как Глеб проснулся, только оставила записку и ключи, чтобы запер за собой входную дверь. Ну а её вопрос так и остался без ответа.

Глава 12. Похищение Европы

«Ну и как мне поступить? С Митяем шутки плохи, но ведь и Алину обижать нельзя, себе дороже выйдет – где ещё найдёшь такую "ведьму", чтобы на спектакль с её участием все билеты были распроданы за полчаса? Да что тут голову ломать, пусть сами разбираются!» Так Сева и решил, а для того, чтобы и Митяю угодить, и самому не опозориться, взяв на себя обязанности сводника, надумал устроить вечеринку в своём загородном доме, пригласив в числе прочих Алину и Митяя. Осталось только найти повод, чтобы вместе их свести, причём такой, чтобы Алина не смогла отказаться.

В тот самый момент, когда Сева потерял надежду что-нибудь придумать, раздался телефонный звонок:

– Всеволод Степаныч, это Бородин. У меня возникла интересная идея.

«Тут не знаешь, как выпутаться из одной беды, в которую попал по вине этого писаки, а он с новой авантюрой лезет! Если бы не предложил театру свою пьесу, глядишь, Митяй и не запал бы на Алину. Впрочем, и Бруцкус подсуропил, ему видите ли пляски подавай, а все шишки валяются на мою больную голову». Такие грустные мысли не способствовали улучшению настроения Севы, поэтому и вопрос был задан не вполне учтиво:

– Так что там у тебя?

– Видите ли, я давно когда-то повесть написал по мотивам «Похищения Европы».

– Это что, картина такая? – Сева в живописи слабо разбирался, а уж фамилиями художников и вовсе голову не забивал.

– И картина тоже. Но в основе миф, хотя Геродот полагал, что история вполне правдивая, за исключением малозначительных деталей вроде белого быка.

«Так-так. Геродот – это имя! А если будет красоваться на афише, тогда просвещённая либо претендующая на этот статус публика валом к нам повалит».

– Ну-ну, выкладывай, чего придумал.

– Тут дело вот в чём. Вряд ли зрителей увлечёт рассказ о наложнице Зевса или, по другой версии, дочери финикийского царя. Вот я и подумал: а что, если эту историю перенести в наше время, добавив политический подтекст?

– Хочешь написать памфлет? Но это не наш профиль.

– Нет-нет, я имею в виду политику властей в области культуры, которая, как известно, постепенно деградирует, следуя запросам невежественной публики.

«Что ж, если речь пойдёт о культуре, это может быть в струю – давно пора на Совете поднять вопрос о несоответствии министра занимаемой должности, ну а там видно будет, что к чему». Так Сева рассудил, потому и похвалил автора за инициативу:

– Глубоко копаешь! Ну и когда будет готов материал для

обсуждения?

– Не скоро, ещё многое надо доработать. Но если вам это интересно, я потороплюсь.

На том и порешили. Сева хотел было сразу выкинуть этот разговор из головы, есть дело поважнее, но вдруг худрука осенило: «Конечно, идея дохлая. Наш зритель такие темы на дух не переносит! Ну а с другой стороны, многое зависит от того, как всё это обставить. Если за дело возьмётся Бруцкус, тогда трагедию можно превратить в симпатичный мюзикл. А там, где мюзикл, там и для Алины роль найдётся».

Сразу, не мешкая, позвонил:

– Алиночка, дорогая! Тут у меня возникла идея новой постановки.

– Рада за вас, Всеволод Степанович! Но я-то здесь при чём?

– Всё дело в том, что в главной роли автор пьесы видит лишь тебя. Иначе, говорит, ничего толком не получится.

– Пьеса хоть о чём?

– Тема очень интересная, я бы сказал злободневная, но по телефону обсуждать как-то не с руки. Давай-сделаем так. Ты приезжай ко мне в Барвиху, а я приглашу и автора, и режиссёра, там всё и обсудим.

К этому времени Алина перешла в другой театр, разругавшись с главным режиссёром – уж очень настойчиво к ней приставал. Так что ролей теперь не густо, поскольку в новом коллективе конкуренция вплоть до того, что могли и канце-

лярскую кнопку под пятую точку подложить, и жвачку прилепить к волосам, и слабительное подсыпать в воду. А в кино начался застой – ни одной приличной роли, только дурацкие водевили на потеху публике.

Договорились на конкретный день и час, и вот она уже у порога особняка, внешнему виду которого позавидовал бы даже сам глава «Газтрона». Но когда в сопровождении худрука вошла в гостиную, её поразил не столько роскошный интерьер, сколько отсутствие гостей.

– И куда все подевались?

Только спросила, как послышался звук шагов по лестнице, ведущей на второй этаж. Митяй спускался неторопливо, поскольку был уверен, что птичка никуда теперь не улетит – у ворот усадьбы его люди, а через трёхметровый забор не перемахнёшь. Но вместо того, чтобы сказать: «Вот ты и попалась!», достал из-за спины букет цветов, а из кармана пиджака обшитый бархатом футляр – в таком обычно хранят ювелирные украшения. И вот, приблизившись, протянул и цветы, и футляр Алине, сопроводив это действие словами:

– Я тут решил спонсировать постановку новой пьесы, «Похищение Европы», так вроде называется. Хотите получить в ней роль?

Сразу видно, что ситуация для Митяя непривычна, в отношениях с женщинами он привык к несколько иным манерам, предпочитая покупать товар, даже не торгуясь. Увы, на этот раз подобная метода не пройдёт, поэтому получилось

довольно неуклюже, но лучше так, чем ничего.

Первой реакцией Алины был испуг, поэтому и воскликнула, оглянувшись на хозяина усадьбы:

– Всеволод Степаныч! Что это вы задумали? – а затем, не ожидаясь ответа, вдруг рассмеялась, да так, что Сева вдруг почувствовал, как защемило в сердце: – Если это репетиция той самой пьесы, то я в низкопробных постановках не участвую. Этому хмырю простительно, он ни уха ни рыла в наших делах не понимает, но вы... Могли бы гораздо лучше подготовить мизансцену!

Сева оцепенел, понимая, что всё кончится совсем не так, как предполагалось, ну а Митяй ошалело мотал головой, словно бы оказался в гробе – не ожидал такого резкого отпора. Затем повернулся к Севе, поскольку других зрителей здесь больше не было:

– Я к ней со всем почтением, а в ответ... Что за предьявы? Если мало, я ещё добавлю, мне денег для неё не жалко. Хоть ты ей объясни, что такой возможности наварить бабла больше не представится.

– Да пошёл ты! – сквозь зубы процедила Алина, а потом добавила кое-что из нецензурной лексики, причём такое, что Сева густо покраснел. Ну а как иначе, если на его глазах унижают достоинство мужчины.

Понятно, что Митяй скинул с себя последние остатки респектабельности, если они были, и прорычал:

– Ты, сучка, на кого голос повышаешь? Да ты знаешь, кто

я такой?

Дальше всё было примерно так, как и с похищением Европы, но с поправкой на сдвиг во времени – сейчас тоже похищают и женщин, и детей, но происходит всё менее цивилизованно, поскольку Митяевы «братки» не столь вежливы, как слуги финикийского царя.

Очнулась Алина в какой-то комнате без окон, дверь заперта на ключ... «Ну и чего добилась, дура? Зачем полезла на рожон? В таких ситуациях надо быть хитрее. Да что уж теперь, вляпалась по самое оно!»

Тем временем Сева тоже переживал далеко не самые приятные минуты в своей жизни: «Тут хоть бейся головой об стену, а толку всё равно не будет. В полицию не позвонишь, поскольку в соучастии могут обвинить и тогда конец карьеры... В общем, положение почти что безнадежное! А виноват во всём Глеб – если бы не эта его идея с "Похищением Европы", ничего бы не было».

Глава 13. Караул!!!

Ночью Севе приснился страшный сон. Будто он находится в окружении коллег и почему-то вынужден оправдываться перед ними, стоя на коленях:

– Поглядите, как я устал, как меня загоняли. Пожалейте меня!

– Подумаешь, пять часов потрепаться со сцены, да ещё с перекурами.

Ну а потом пошло-поехало, и самое обидное, что слóва не удаётся вставить:

– Он деградирует как режиссер... Да, да! Уж мне не говорите, я-то знаю. Что он сделал с «Мастером и Маргаритой»? Я его возненавидела после этого.

– Напомню, что Скороходова хотели отчислить из школы-студии МХАТ за извращение и патологию – во время дипломного спектакля в одних трусах выбежал в зал и стал самым недопустимым образом приставать ко всем мужикам подряд, от партера до галёрки. Таким не место в нашем коллективе!

– Надеюсь, все смотрели американский фильм «Кто боится Вирджинии Вулф?» по пьесе Эдварда Олби. А что же мы видим в театре Скороходова? Это профанация, а не спектакль, иначе и не скажешь! Дошло до того, что, начитавшись Фрейда, он каждому персонажу пьесы поставил свой диа-

гноз. Якобы для того, чтобы актёры смогли передать душевное состояние своего героя.

– Да у него самого то ли мания величия, то ли паранойя!

– Заметьте, он приходит на киносъёмку в черных очках, озирается вокруг, как бы сканируя всех взглядом. И только после этого идёт в гримёрную. Ну может ли нормальный человек так поступать?

– Он чуть ли не в каждом интервью признаётся, что борется с самим собой. Как думаете, что бы это значило?

– Недавно мне сказал, что занимается самолечением.

– Это как?

– Говорит, что лечится ролями.

– Знали бы зрители, что их превратили во врачей, медсестёр и санитаров... Да они бы за версту его театр обходили!

Проснулся Сева весь в холодном поту, а в голове одна единственная мысль: «Каравул!!! У меня собираются любимое детище отжать!» В иной ситуации обратился бы за советом к Водопоеву, но после того, что учудил Митяй, и слышать не хотел об этом жулике. Ведь он же и подсунул спонсора с бандитскими замашками и уголовным прошлым, а Севе теперь этот мусор разгребать! «Единственная надежда – это Глеб. Говорят, у них с Алиной наметился альянс, так что ему и карты в руки – пусть выручает свою Алину из беды». Но вместо того, чтобы позвонить Глебу, достал из бара бутылку коньяка – признаться в том, что совершил, на это никаких моральных сил не хватит.

Глеб той ночью совсем не спал. Накануне Алина предупредила, что у неё деловая встреча – как освободится, непременно позвонит. Но вот уже два часа ночи, а ни приветов, ни ответов – телефон молчит. Неужели загуляла? Вот и верь женщинам! Потому и остался холостяком, хотя было немало возможностей пойти проторенной дорогой. Только ведь душевное спокойствие куда важнее, чем семейный уют: приготовить завтрак он может сам, без посторонней помощи, но кто спасёт от нескончаемой женской болтовни? А ведь их хлебом не корми – дай поговорить! Мало им того, что занимаются болтологией по скайпу, так ведь готовы целый день жужжать без перерыва на обед. Ну можно ли допустить, чтобы под такой аккомпанемент прошла вся жизнь? Тут даже сдержанный на проявление эмоций человек не выдержит и психанёт: либо выставит за порог жену, либо сам уйдёт.

Алина – совсем другое дело, такую женщину можно всю жизнь искать и нет гарантии, что когда-нибудь найдёшь. Вот и финикийский царь лелеял свою дочь, однако не сумел предотвратить несчастье. Этой темой похищения Европы Глеб занимался всю последнюю неделю, поэтому и возникла подобная ассоциация. То ли похотливый Зевс не удержался от соблазна, то ли кто ещё, но важен сам факт – красивая женщина всегда становится лакомой приманкой... И тут в его голове несколько событий образовали логическую цепь. На днях Глеб изложил худруку идею новой постановки, вчера Алина уехала на деловую встречу, и вот сегодня есть

все основания для того, чтобы предположить самое худшее: кто-то претворил его идею в жизнь. И тут наверняка не обошлось без Скороходова.

Наутро Глеб отправился в театр, но худрука так и не нашёл, а звонить по телефону не стал, чтобы не спугнуть, поэтому отправился в Барвиху – там уже пару раз бывал, когда вместе с Бруцкусом обсуждали концепцию пьесы по роману «После оттепели». Но вот добрался, жмёт на кнопку домофона у входа на территорию усадьбы, а в ответ ни звука, будто бы все вымерли. Уже когда стал прикидывать, как перелезть через забор, калитка отворилась, а из неё выглянула взлохмаченная голова:

– Тебе чего?

Следом за этим раздался звук падающего тела...

Худрук был в стельку пьян, хотя прежде не выказывал пристрастия к алкоголю. Помог холодный душ, и вот уже появилась возможность задать вопрос, ради чего Глеб и приехал:

– Так что же здесь произошло?

Сева был готов на всё, лишь бы закончился этот кошмар, поэтому «сдал» и Водопоева, и Митяя со всеми потрохами. Словом, рассказал всё, как на духу, предупредив, что в полицию нельзя обращаться, поскольку у Митяя там всё схвачено. И тут же отключился.

В айфоне Севы нашлись все нужные контакты, но говорить с бандитом не было никакого смысла, поэтому Глеб со-

звонился с Водопоевым. Мало сказать, что тот был удивлён – возникло ощущение, что готов рвать на себе волосы, настолько впечатлило его то, что поведал Глеб:

– Мать честная, до чего дошло! – затем, уже едва не плача, пробормотал: – Теперь вся конструкция разрушится, а ведь сколько сил на это положил...

– Вы о чём?

– Да вот Митяй, Скороходов, Минкультуры... Впрочем, вам этого не понять! – Водопоев не стал вдаваться в подробности очередной аферы и немного успокоившись продолжил: – Однако из зловонной ямы надо срочно выбираться, и прежде всего мы должны извлечь оттуда Скороходова.

– А как же Алина?

– Ну что заладили? Никуда ваша пассия не денется... Ладно, я перезвоню.

Сидеть сложа руки, когда Алина находится в беде – это выше его сил, но как ни пытался Глеб развязать этот узел, ничего не получалось, поскольку полученной от Водопоева и Севы информации явно недостаточно, чтобы разработать план спасения Алины. И тут раздался телефонный звонок:

– Вы где сейчас находитесь? – вроде бы совсем не ко времени и вовсе не по делу поинтересовался Водопоев.

– Всё там же, в загородном доме Скороходова.

– Жаль, там нет телефона-автомата, тогда я сам.

– Но что собираетесь предпринять?

– Надо позвонить в ФСБ, чтобы направили в особняк Ми-

тя свой спецназ. Якобы там засели террористы.

У Глеба подкосились ноги:

– Но так нельзя, они же всех перестреляют!

– Вы можете предложить другой вариант?

– Давайте сделаем так. Вы сообщите, что Митяй взял в заложники члена Совета по культуре. Тогда уж точно обойдётся без стрельбы.

– Вы правы, у ФСО другие методы.

Как потом рассказали в своих блогах очевидцы, к полудню в районе Клязьминского водохранилища началась войсковая операция. В воздухе кружили вертолёты, с судов на воздушной подушке высадили десант, а все окрестности заволкло слезоточивым газом. Но, слава богу, через час всё было кончено. Митяй сразу же во всём признался – будто хотел похитить члена Совета по культуре, но Скороходов спрятался в подвале за стальной дверью, без динамита её не прошибёшь. Пришлось прихватить Алину как опасного свидетеля, но никакого вреда ей никто не причинил.

Такова была официальная версия, однако подробности Глеба мало занимали – главное, что Алину удалось спасти, вырвать из рук похотливого злодея. И всё это благодаря заботе государства о культуре в лице наиболее достойного её представителя.

Глава 14. Закон природы

Через несколько дней после описанных событий в жёлтой газетёнке появилась статья, будто Алина под воздействием пережитого бросила Глеба и ушла в политику, а теперь ведёт ток-шоу на НТВ. Сева взял академический отпуск и уехал за границу. Митяй получил условный срок, но почти все его финансы ушли на оплату войсковой спецоперации. Теперь ищет того, кто подложил ему свинью. А у Глеба во время штурма особняка Митяя случилось нервное расстройство и началась депрессия – книги писать уже не может, только перечитывает то, что когда-то сочинил.

– Всё это брехня! – заявил Водопоев, прочитав статью. – Даже про Бородина наврали. На самом деле, ему предложили написать сценарий фильма о событиях на Клязьминском водохранилище, но он отказался наотрез. Настаивали, угрожали занести в чёрный список! Немудрено, что случился нервный срыв.

Водопоев сидел за столом в отдельном кабинете ресторана «Турандот», что на Тверском бульваре, а собеседниками его были три экс-министра культуры, в порядке убытия с должности – Вергляев, Колотыгин и Ведьминский. Поводом для этого застолья стала деградация российской культуры – разве что ленивый этого не замечал, да ещё те, у кого телевизора в доме сроду не было. Потому и встал ребром вопрос: ко-

го рекомендовать на должность нового министра, поскольку дама, которая занимает этот пост, явно не справляется. Вертляев настаивал на кандидатуре Скороходова. Колотыгину всё это без разницы, однако почему бы не посидеть в хорошей компании тем более, что все расходы Водопоев взял на себя. Ну а Ведьминский поначалу рта не открывал, только поздоровался.

Позиция Вертляева была всем понятна – именно он в своё время протолкнул Скороходова в Совет по культуре, так что вполне мог ожидать неких преференций от своего протеже, если тот возглавит министерство:

– Неужели вы не понимаете, что это редкий самородок? Десятки сыгранных ролей, любимец публики... Ну кто мог ожидать, что он ещё и талантливый администратор? – тут Ефим Захарович хотел было отметить и свои заслуги, в том числе умение работать с кадрами, однако, подумав, скромно промолчал. – Так вот я и говорю, засиделся он в своём театре, пора выходить на широкий простор. Не сомневаюсь, что он справится с культурой.

Прозвучало это слегка двусмысленно, поэтому Колотыгин счёл нужным возразить:

– Культура – это вам не дудка, и даже не саксофон. Я бы сравнил её с симфоническим оркестром, а чтобы им управлять, нужен опытнейший дирижёр. Вот вы скажите мне, сколько раз Скороходов был на концерте в филармонии? – все промолчали, поскольку сочли этот аргумент необеди-

тельным, и пришлось Колотыгину самому ответить на вопрос: – Ни одного! А сей прискорбный факт что-нибудь да значит.

Водопоев на этом «ресторанном форуме» выступал в качестве распорядителя, поэтому взглянул на Ведьминского так, что хочешь не хочешь, а придётся экс-министру озвучить своё мнение:

– Ну что сказать? Лично я не в большом восторге от того, что Скороходов делает в театре. Сама по себе антреприза не вызывает возражений, но лишь в том случае, если хороших актёров мало, вот и приходится им разрываться между киностудиями и театрами. Но это же не так! Актёров у нас хоть пруд пруди, а вот приличных сценариев кот наплакал. Поэтому считаю, что министром должен стать писатель, тогда и телевидение перестанет тиражировать муру.

– Вы полагаете, что министр сам станет сочинять? – усомнился Водопоев.

– А почему бы нет? Само собой, в свободное от основной работы время. Кстати, и у меня есть подобный опыт, с десятком сценариев написал для кино. Половину уже сняли, а остальные вот-вот запустят в производство.

– Откуда такая плодовитость?! – Колотыгин не смог скрыть восхищения.

– Всё очень просто – надо только найти свою собственную нишу. Ну вы же знаете, что Русь возникла в девятом веке от рождения Христова. С тех пор минуло двенадцать веков,

так что на каждое столетие по сценарию, по фильму. Кто-то же должен воспитывать молодое поколение в любви к своей стране.

Возражать никто не стал – не потому, что этих фильмов не смотрели, однако переубеждать упёртого, нашедшего способ пополнения семейного бюджета – дело неблагодарное и бесполезное. Ещё напишет докладную, он теперь в Администрации, потом хлопот не оберёшься.

Возникла пауза, других кандидатур никто не предлагал, поэтому Водопоев решил подвести итог:

– Что ж, мнения разделились, но этому не стоит удивляться. Ведь мы же с вами ни что иное, как срез российского общества, а потому нужно ещё семь раз отмерить прежде, чем назначать нового министра. Такую мысль я и донесу до тех персон, которые готовы вкладывать в нашу культуру немалые ресурсы. На этом закончим обсуждение и перейдём ко второй части нашего мероприятия, благо спонсоры не поскупились.

Водопоев взмахнул рукой, тут подбежали официанты, сервировали стол и, судя по изобилию угощений, в списке Водопоева было немало тех, кто готов спонсировать развитие культуры. Правда, Митяя среди них уже нет, однако Россия-матушка подобными талантами ещё не оскудела.

В то время, как представители культурного сообщества заседали в ресторане, Глеб находился в таком состоянии, когда даже ложка паюсной икры в глотку не полезет. Един-

ственной его собеседницей была Алина, и это совсем неудивительно – за последнее время Глеб испытал столь глубокое разочарование в людях, что лишь она удерживала его от того, чтобы не наложить на себя руки, бросившись в реку с Крымского моста.

Глеб говорил и говорил не переставая, словно выворачивал себя наизнанку, пытаясь исторгнуть из глубины сознания накопившуюся злость:

– Мне противно всё! Ваше телевидение, книги, которые вы читаете. Мне отвратительна ваша демократия, лживость и лицемерие власть имущих...

– Но то же самое в любой другой стране! – Алина попытался остановить обличительную речь Глеба, но тот словно бы не слышал возражений и продолжал:

– Вы все только притворяетесь, что любите Россию, а на самом деле вам наплевать, что с нею будет, лишь бы прожить свой короткий век в достатке и благополучии.

– Это не так! Все хотят, чтобы и дети, и внуки были счастливы, и для этого готовы...

– Да брось! К примеру, моего соседа всё устраивает, потому что дочь живёт в Норвегии, а у сына своя фирма в Турции. Даже если Россию раздербанят, дети всё равно будут в шоколаде. Только представь, до чего эти люди могут довести страну!

Алина, округлив красивые глаза, смотрела на Глеба и не узнавала:

– Да что случилось-то? Чего так разошёлся?

Глеб, видимо, почувствовал, что надо что-то объяснить:

– Вчера меня пригласили в Фонд кино и предложили написать сценарий фильма...

– Так это же здорово! Не каждому выпадает эта честь. О чём же будет фильм?

– Рабочее название «Славься!»... Ну или что-то в этом роде, я уже забыл.

– И что?

– Да ничего! Я отказался.

И как на это реагировать? Алина не сдержалась:

– Ну и дурак! Теперь твою новую пьесу могут зарубить.

– Да мне без разницы.

– Как это так?

– Надоело всё до жути! Пишу, пишу, а жизнь к лучшему так и не меняется.

– Вон ты чего захотел! И где ты видел, чтобы писатель мог что-то изменить кроме содержимого своего кармана?

– В этом ты права. Даже у Льва Толстого ничего не получилось... Ну разве что «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, да и от него эффекта никакого.

– Не скажи!

– Ты о диссидентах? Так это всё пустые хлопоты. Побузили, погорланили, а толку нет. Всё потому, что у нас только власть имущие решают, нужны ли перемены и главное – кому?

Глеб ещё долго что-то говорил, но Алина его уже не слушала. Всё потому, что поняла – закончился их медовый месяц. Точно так же кончается и оттепель, и никто не в состоянии это изменить, если уж таков закон природы.

Глава 15. Конформист

Тут самое время вспомнить о благотворном влиянии природы на человеческую психику. Окажись Глеб на песчаном пляже, прогревом солнечными лучами, да искупайся в тёплом море, наверняка совсем другие мысли возникли бы в его голове. Вот и Сева Скороходов надеялся на то, что смена места обитания избавит от угрызений совести и восполнит жизненные силы, запас которых подходил к концу. Ну а как иначе, если хороших людей чуть не подвёл под монастырь, а в довершении всего угробил блестящую карьеру? Обвинение в пособничестве похитителям с него сняли, однако каждому злопыхателю не закроешь рот – молва способна нанести смертельный удар по репутации. Поэтому пришлось, сославшись на проблемы со здоровьем, отправиться на юг, причём не в Крым или на Кавказ, а гораздо дальше – туда, где не услышишь русской речи и где никто не подозревает о существовании «Театра всех времён». Так Сева оказался в Италии.

Однако и здесь его нашли – слава богу, это были не митяевские «братки». Местные журналисты пристали к Севе с расспросами: что да как, и почему покинул родину?

Поначалу Сева довольно спокойно отвечал:

– Родину я не покидал, поскольку Россия всегда в моём сердце.

– И всё же почему бежали из страны? Говорят, вы связались с русской мафией, украли у неё деньги, и теперь вас ищут, чтобы отомстить.

Сева понимал, что провоцируют, однако сдержать свои эмоции уже не мог:

– Да что за чушь? Какая мафия? Какая месть? Я сроду не имел никаких дел с уголовным элементом!

А журналисты словно бы его не слышат, задают вопросы наперебой:

– Сеньор Скороходов! Вы же член Совета по культуре, вхожи в Кремль. Почему же власть вас не защитила?

Вопрос, что называется, на засыпку, а потому что очень трудно найти правильный ответ... Ну в самом деле, почему? Почему допустили, чтобы он попал под следствие? Почему не оградили от «братков»? Если бы финансировали театр в полном объёме, тогда не пришлось бы идти на поклон к Митяю. Только сейчас Сева задумался об этом, и вот теперь ему открылась истина: во всём, что с ним случилось, виновата власть!

А вскоре в римской Messaggero было напечатано интервью, где Сева клеймил власть за невнимание к потребностям людей искусства, за некомпетентность руководства, за пренебрежение интересами простых людей. Затем последовали выступления на телевидении – там речь шла и о коррупции, и о семейственности во властных органах и госкомпаниях, и об отсутствии свободы слова.

«Зачем?» Этот вопрос Сева задавал себе не раз в перерывах между интервью и участием в ток-шоу, но каждый раз было словно бы не досуг, не до того, чтобы спокойно разбираться, что к чему. Примерно так же он когда-то поступал и в своём театре – гнал один спектакль за другим, лишь бы публику привлечь очередной премьерой, и не забивал себе голову ненужными сомнениями.

Впрочем, было дело, после очередного интервью всерьёз задумался: «Ну и зачем я это делаю? Работу никто не предлагает ни в театре, ни в кино – видите ли, такого уровня актёров и у них навалом, к тому же не владею итальянским языком. А ведь для России я теперь отрезанный ломоть – даже если покаюсь и вернусь, прежней жизни там уже не будет. И театр отберут, и ролей не станут предлагать. Неужели просчитался? Так или иначе, но кое-какие средства ещё есть, несколько лет можно жить безбедно, ну а там посмотрим».

Но вот однажды на пороге дома появился неожиданный визитёр. Поначалу Сева его не узнал, смущала борода и надвинутая на глаза белая панама. Несколько слов по-итальянски успел выучить, поэтому спросил:

– *Ciao signore! Quello che ti serve?*

Незнакомец помотал головой и криво усмехнулся:

– Вижу, ты совсем тут оборзел. Старых друзей не узнаёшь.

Друзей у Севы сроду не было, не возникало такой необходимости. Были партнёры, коллеги по работе, знаком кое с кем из Администрации, мэрии и Минкульта, но, чтобы на-

звать кого-то из них другом – это уже чересчур! За другом, как известно, надо идти и в огонь, и в воду, а к этому Сева не готов. Поэтому и спросил незнакомца, теперь уже по-русски:

– Вы о чём?

– Да всё о том же. Счётчик тикает... Когда будешь отдавать долги?

Тут только Сева догадался, кто перед ним – Митяй!

– Ты вроде бы должен был сесть, причём надолго.

– Откупился! Пришлось все свои активы отдать...

Тема денег была Севе крайне неприятна, поэтому поспешил пригласить Митяя в дом, ну а там видно будет.

Накрыл стол, выпили за встречу. Потом Митяй рассказал о том, как его буквально изнасиловали, заставив оплатить расходы на войсковую операцию:

– Мало того, что снесли забор и выбили все окна, так ещё и стены раскурочили! Искали потайную комнату, где я прячу каких-то террористов. Кто им мог подсунуть эту туфту, ума не приложу.

– Митяй! Я тут ни при чём. После того, как Алину ты увёз с собой, я всю ночь пил, к утру и лыка не вязал. Думал, концы отдам, не было сил даже вызвать неотложку...

– Ну да ладно, это дело прошлое. Ты-то как устроился в чужих краях?

– Да вот, с хлеба на воду перебиваюсь. На телевидении иногда подрабатываю, участвую в ток-шоу за мизерную плату.

– Ну-ну, – Митяй кинул взгляд на закуску, на бутылку дорогого коньяка, усмехнулся, но больше ничего так и не сказал.

Сева понял, что вляпался, второпях выставил на стол то, что было в доме. Но даже если не обращать внимания на угощение, интерьер гостиной, где расположились, никак не соответствовал статусу безработного мигранта. Самое время объясниться:

– Ты не смотри по сторонам, всё это не моё. Снял особняк на месяц у знакомого кинопродюсера, он с семьёй уехал в Штаты навестить родню. Так что и не знаю, что предпринять, когда вернётся.

– Ну а сам домой не надумал возвращаться?

Сева тяжело вздохнул:

– Честно говоря, не тянет. Если снова начнут копать и возьмут меня за жабры как соучастника, никакие заслуги не спасут? Ты вот откупился, а я...

Тут он понял, что снова стал дудеть не в ту дуду, но было уже поздно... Митяй встал из-за стола, подошёл к картине, висевшей на стене, и спросил:

– Это сколько стоит?

Сева хотел было повторить, что картина не его, как и весь этот роскошный особняк, но что-то сдавило ему горло и потому изо рта вырвался лишь стон – наверно, такие звуки способны издавать только приговорённые к заслуженному наказанию. Митяй отреагировал весьма своеобразно, в традици-

ях той среды, где вырос, а позже создавал начальный капитал.

– Не бзди, Сева! Резать я тебя не собираюсь, а то хлопот потом не оберёшься. Но тему как-то надо закрывать, иначе получается не по понятиям. Ты денежки присвоил, да ещё проценты набежали, так что вынь да положь, и разойдёмся как в море корабли.

Когда из кармана достают туза и нечем его крыть, а на кону целая куча денег, уже поздно задавать себе вопрос: почему так получилось? Можно признаться, что виноват, но это всё равно что заявить, будто жизнь прожита зря, то есть совсем не так, как могло бы быть, если бы жил по совести.

И вот Сева пошатываясь на полусогнутых ногах направился в свой кабинет – туда, где в замурованном в стену сейфе обычно хранят то, что не предназначено для посторонних глаз. Такие сцены Митяй не раз видел в американских боевиках – а вдруг из сейфа вместо денег достанет пистолет? Вполне резонно, что он пошёл за Севой, внимательно следя за его руками.

Однако всё произошло совсем не так, как в банальном детективе. Сева открыл сейф, но вдруг его ноги подкосились и тело рухнуло плашмя на паркетный пол. Затем лицо побавело, глаза словно бы вылезали из орбит, а на губах появилась странная улыбка, которая никак не соответствовала тому, что только что случилось. И тут он еле слышно прошептал:

– Весь мир – театр. А мы...

Лицо Севы побледнело, замерли зрачки и только губы продолжали шевелиться, как будто пытались завершить последний монолог.

Глава 16. Вместо эпилога

Однажды солнечным апрельским днём в Чистом переулке случилось событие, которое обитатели окрестных домов поначалу восприняли в штыки, и на то были веские причины. В течение нескольких часов переулок оказался недоступен на всём его протяжении – от Пречистенки до Большого Левшинского, так что заехать в него или пройти по тротуару не было никакой возможности. Всё дело в том, что снимался эпизод первой встречи Маргариты с Мастером – тут уж не надо пояснять, о чём идёт речь, поэтому и пешеходы, и автомобилисты в итоге отнеслись к неудобствам с пониманием.

Работа над очередным вариантом экранизации «закатного романа» была в самом разгаре вопреки общепринятому мнению, будто все попытки такого рода обречены на неудачу. Сколько уже было сломано копий и в Европе, и за океаном, однако съёмки срывались из-за нехватки денег или из-за судебных тяжб с наследниками автора романа, а если создателям всё же удавалось довести съёмки до конца, представленный публике продукт коллективного творчества по своему уровню никак не соответствовал тексту, который создал всего лишь один человек, не прибегая к помощи меценатов и продюсеров.

Однако на этот раз все участники съёмки были уверены, что наконец-то удастся создать шедевр, и на то были основа-

ния. Во-первых, режиссёром-постановщиком стал человек, который и сам не чужд литературному творчеству, а это уже серьёзный аргумент в пользу грядущего успеха. Во-вторых, на роль Маргариты выбрана Алина Гурская, та самая, что блистала в спектакле «После оттепели», когда-то шедшем на сцене «Театра всех времён» – увы, театр погорел в прямом и переносном смысле, а само здание после капремонта будет переоборудовано под музей народных промыслов.

И вот уже Мастер с Маргаритой встретились, уже она спросила:

– Нравятся ли вам мои цветы?

А он ответил:

– Нет! Я люблю цветы, только не такие.

Ну а затем любовь выскочила перед ними, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила сразу их обоих...

– Снято! – кричит режиссёр.

Однако Алина чем-то недовольна:

– Нет, Глеб! Это никуда не годится. Давай сделаем ещё один дубль.

Глеб ни в какую:

– Ну сколько можно снимать один и тот же эпизод?

– Да пойми ты! Во время этой встречи возникло взаимное влечение, и всё должно быть предельно убедительно.

– Ладно, ещё один дубль и заканчиваем съёмку.

Ну разве может Глеб устоять перед обаянием Алины?

Впрочем, он пока так и не решил, в кого влюблён – в талантливую актрису или в тот образ, что создан воображением писателя.